

КУЛЬТУРА

Духовное пространство русской Евразии

13 – 19 апреля 2018 года № 12 (8092) Издается с 1929 года

Владимир Машков:
«Мне отступать
некуда»

www.portal-kultura.ru

Движение вверх

12 апреля — День космонавтики, самый лиричный наш праздник. В нем в отличие от 9 Мая почти нет горечи: покорение Вселенной в XX веке было чередой побед и осталось в отечественной культуре как торжество, омрачить которое никакие трагедии (а их в истории освоения космоса хватало) не могли. Улыбающийся Юрий Гагарин открыл новую страницу в истории человечества. Художники объяснили: ценность космоса состоит в том, что можно, как герой Андрея Тарковского, вернуться на Землю и упасть на колени перед отцом. Штурмовать звезды стоило ради травы у дома, такое единство казалось совершенно естественным: мы вот-вот улетим осваивать Галактику, пора навести порядок здесь. Сегодня инерция этого взгляда на космос почти исчерпана: выросли поколения,

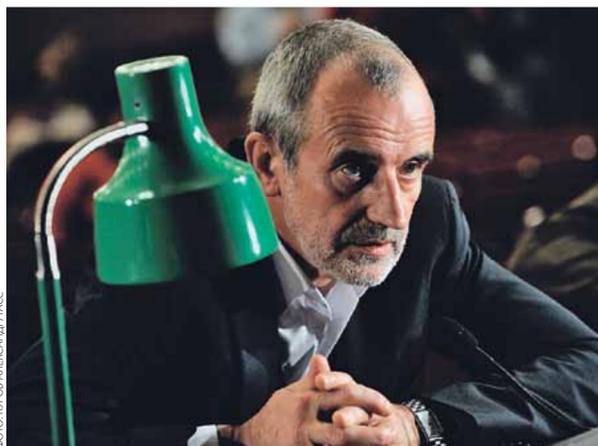
которые вообще не учились никакому иному счастью, кроме потребления. Однако — и в России, и на Западе — маятник качнулся в другую сторону, и СМИ теперь пишут о марсианской экспедиции и проблемах освоения Луны, а кино рассказывает о людях в герметичных скафандрах с почтением и интересом. Космос медленно возвращается в моду, но интонация изменилась: теперь все проще, техничнее, по-деловому. Романтике 60-х на смену пришел сухой реализм информационной эпохи, однако мы все еще поднимаем головы вверх и видим свет отстоящих от нас на миллионы лет звезд — тех, что вдохновляли Константина Циолковского и Сергея Королева, а значит — главное не потеряно. Дело теперь снова за культурой, которая может и должна вдохнуть в прагматику жизнь.

Магомед Толбоев: «Нужно возобновлять и лунную программу, и марсианскую» **4**
«Космос как наследие» **4**
«Беркут», «Ястреб», «Орлан» **5**
Александр Хохлов: «С МКС прислали фото: «Саня, держись!» **5**

Геннадий Саченюк: «Великие песни делают человека лучше»

Александр АНДРЮХИН

135 лет исполняется со дня рождения композитора, хорового дирижера, автора музыки гимна СССР, лауреата двух Сталинских премий Александра Александрова. Его имя носит основанный музыкантом Академический ансамбль песни и пляски Российской армии. 25 декабря 2016 года в авиакатастрофе погибли 64 участника знаменитого хора, в том числе художественный руководитель коллектива Валерий Халилов. Своими воспоминаниями и планами на будущее с «Культурой» поделились сегодняшний глава ансамбля Геннадий Саченюк и дирижер Игорь Раевский. **3**

Римас Туминас: «Отдавая себя зрителю, ты отдаешь себя Небесам»

Виктория ПЕШКОВА

С 21 по 24 апреля на сцене Театра им. Вахтангова свои спектакли представит старейший репертуарный театр Израиля «Габима». Гастроли приурочены сразу к двум знаковым датам — столетию коллектива и 70-летию Государства Израиль. Вахтанговцам и самим до векового юбилея рукой подать, но разговор с Римасом Туминасом коснулся не только праздников, но и будней. **10**

Игорь Олейников: «Нравится разрушать стандарты иллюстрирования»

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Художник Игорь Олейников признан лучшим иллюстратором 2018 года: он стал лауреатом премии имени Ганса Христиана Андерсена — наиболее престижной международной награды в области детской литературы. Из наших авторов ее удостоивалась лишь Татьяна Маврина — в далеком 1976 году. Олейников занимается оформлением книг больше 20 лет, среди его работ — «Аэлита» Алексея Толстого, «Все бегут, летят и скачут» Даниила Хармса, «Баллада о маленьком буксире» Иосифа Бродского, «Рождественская песнь в прозе» Чарльза Диккенса, «Соловей» Андерсена. «Культура» поздравила Олейникова с присуждением «малой Нобелевской премии» и поговорила об отношениях с анимацией, судьбе бумажных изданий и неумении рисовать принцесс. **6**

Беднякам здесь не место
Сдачи не надо
Преодолевая хама
Их пугают,
а им не страшно

«Авторское право» **7**

ГУЗЕЛЬ ЯХИНА:
«Тотальный
диктант» требует
пунктуации,
близкой
к эталонной»

ВЕСНА
СВЯЩЕННА
«Искания о князе
Владимире»
на Новой сцене
ГАБТа

МИХАИЛ РУДЬ:
«Ни разу
не слышал,
чтобы русские
плохо играли»

16 плюс

ISSN 1562-0379

9 771562 037001

180 12

Владимир Машков:

«Мне отступать некуда»

Денис СУТЬКА

Владимир Машков назначен художественным руководителем театра-студии Олега Табакова. С «Табакеркой» известного актера и режиссера связывает многое: в 1992 году здесь вышел его спектакль «Звездный час по местному времени» по комедии Гора Николаева. Спустя год состоялась премьера постановки «Страсти по Бумбарашу» по одноименной пьесе Юлиа Кима, в основу которой легли ранние произведения Аркадия Гайдара. В 1994 году появился «Смертельный номер» по пьесе драматурга Олега Антонова. Так что неудивительно, что именно Машкову после ухода Олега Табакова доверили знаменитый «подвал».

ФОТО: ЕВГЕНИЙ НОВОЖЕНАРИЯ/РИА НОВОСТИ

Прежде чем произнести свои первые слова в новом качестве, новоиспеченный худрук предложил почтить память Олега Павловича минутой молчания. «Хочу сказать, что мне отступать некуда. Я совершил свой круг. Я видел много интересного. Много полезного для себя в жизни свободного актера. Теперь у меня другая ответственность... Олег Павлович накопил источник. Если этот источник затопить, он не будет бить. Он накопил школу, два театра, худо-

жественные мастерские», — отметил Машков. «Культура» попросила артистов театра прокомментировать назначение.

Сергей БЕЛЯЕВ, заслуженный артист России: — Я стоял у истоков создания театра-студии Олега Табакова и, по сути, провел всю творческую жизнь вместе с Владимиром Машковым. Помогал ему в работе над спектаклями, которые он ставил как режиссер

в «Табакерке». Думаю, это прекрасно, что он возглавил театр. У него к нашему «подвалу» особая любовь, потому что все мы вышли из «Табакерки».

Анна ЧИПОВСКАЯ, актриса: — Владимир Львович — это и есть «Табакерка». Его очень любил Олег Павлович. Он один из его лучших учеников. Машков поставил в «Табакерке» спектакли, определившие суть театра. Он нас знает, и мы его хорошо знаем. Считаю, что для нас

это самый лучший выбор. Не знаю, как дальше все сложится, но хочется верить, что нас впереди ждет много плодотворной и классной работы.

Сергей УГРЮМОВ, заслуженный артист России: — Я очень рад, что это Володя, благодаря которому я вообще в свое время оказался в труппе «Табакерки». Когда-то он пригласил меня среди прочих моих однокурсников в спектакль «Страсти по Бумбарашу». Там

меня заметил Олег Павлович Табаков и предложил стать актером труппы подвального театра. Я всегда буду помнить об этом. Володя прошел определенный жизненный путь в профессии. Вначале был актером «Табакерки», после — вольным художником, и вот теперь возглавил театр. Тут, вероятно, действуют невидимые законы природы. Как будто его творческий круг замкнулся и стал цельным. Надеюсь, у нас все сложится и будет в порядке.

Сергей ГАЗАРОВ, актер, режиссер, продюсер:

— Я считаю, что назначение Владимира Машкова на пост худрука «Табакерки» — единственно правильное решение. То, что он согласился на этот большой и сложный путь, говорит о его приверженности творческим идеям Олега Павловича. Надеюсь, Володя будет не только развивать их, но также принесет что-то свое. Конечно, жизнь Машкова теперь поменяется. Я помню, как это было у Табакова, когда он открыл театр, а после возглавил МХТ имени Чехова. При этом он успевал все. У него день был распisan с семи утра и до двух ночи. Володя — замечательный артист и должен радовать зрителя. Просто ему надо наладить график. Перед ним пример Олега Павловича, который умел сидеть на восьми стульях и при этом прекрасно себя чувствовал. Дай Бог Володе на этом месте всего, всего, всего.

ФОТО: МИХАИЛ ПОНОМАНОВ

Гульельма Яхина: «Тотальный диктант» требует пунктуации, близкой к эталонной»

Дарья ЕФРЕМОВА

14 апреля пройдет 15-й «Тотальный диктант». По подсчетам организаторов, на этот раз в нем примут участие не менее 250 тысяч человек из 80 стран мира. Поучаствовать в акции решили даже космонавты на МКС. «Культура» побеседовала с автором текста нынешнего года, писательницей, лауреатом «Большой книги» Гульельмой Яхиной.

культура: В одном интервью Вы говорили, что ощущаете себя новичком в литературе — и это после успеха романа «Зулейха открывает глаза». Удивило, что именно Вас выбрали автором очередного «Тотального диктанта»?

Яхина: И удивило, и обрадовало. Так что, когда в начале прошлого года получила приглашение от руководителя проекта Ольги Ребковец, моментально ответила: «Конечно, согласна». Эта акция всегда была мне очень симпатична.

культура: Трудно было работать над текстами? Перед Вами ставились определенные технические задачи?

Яхина: Необходимо было написать три текста для трех часовых зон. А дальше началась кропотливая, абсолютно ювелирная работа Экспертного совета. Им предстояло довести мои отрывки до финального варианта, что и прозвучит 14 апреля: каждая орфограмма, каждый знак препинания рассматривались под филологическим «микроскопом», тексты уравнивались по уровню сложности. Что касается темы, то она родилась сама собой. На тот момент я трудилась над романом «Дети мои» (вышел в мае в «Редакции Елены Шубиной», издательство «АСТ»). — «Культура» и, физически находясь в Москве, ментально жила в саратовском Поволжье, в ранние советские годы. Поэтому предло- жила рассказать об этом периоде. Так получились «Утро», «День» и «Вечер» — зарисовки об одном дне главного героя моего нового романа — сельского учителя Якова Баха. В книгу войдет авторская редакция, а для «Тотального диктанта» многое пришлось переработать. Тексты сокращали, дополняли, изменяли знаки препинания. Я, например, люблю ставить тире, даже иногда им злоупотребляю, а «Тотальный диктант» требует пунктуации, близкой к эталонной.

культура: А она существует? В тестовом режиме организаторы насчитали 96 правильных вариантов расстановки знаков препинания.

Яхина: Такое действительно было. К стати, команда «Тотального диктанта» составляет все допустимые варианты написания и закладывает эту информацию в программу, которая будет проверять онлайн-диктанты. Это огромная работа.

культура: Не пугает весь этот грамматический аттракцион? Сами решились бы сесть «за парту»?

Яхина: Почему бы нет? Училась на «отлично», по русскому была твердая пятерка.

культура: Расскажите о герое Вашей книги.

Яхина: Шувльмейстер Яков Иванович Бах — «маленький человек», живет неприметной жизнью и внутренне согласен со

своей полной никчемностью. Да и все, кто его окружает — односельчане в вымышленной колонии Гнаденталь на левом берегу Волги, — такие же: крестьяне и ремесленники, поддерживающие почти тот же уклад, что завели их далекие предки, переселившиеся в Россию во времена Екатерины Второй. Так что, можно сказать, «Дети мои» — роман о маленьких людях. И вдруг в их неторопливый быт врывается большая история. Здесь разворачиваются ключевые события Гражданской войны, затем начинается голод, приходит коллективизация, раскулачивание... Большая история толкает Баха в трагические отношения с женщиной, в вынужденное отцовство, в творчество. И все это в итоге переадресовывает его судьбу — заставляет превратиться в большого героя.

культура: Вы выстрелили неожиданно. Писалось как сценарий, выросло в роман — сразу же «Большая книга», известность.

Яхина: На самом деле было так: я написала сценарий, потому что до этого несколько лет не могла справиться с романом — по неопытности. Уже имея готовый сценарий и используя его как развернутый план, переехала эту историю в литературный текст. Так что в романе — довольно жесткая киноструктура. Не случайно критики ругали его за излишнюю кинематографичность.

культура: Вы писали про свою бабушку?

Яхина: Но совсем. Ее история — откровенная точка. Но роман вовсе не биографичен. Раскулачили не саму бабушку, а ее родичей. Она тогда была маленькой девочкой. Их сослали в Сибирь, на один из притоков Ангары, где в трудовом поселке Пит-Городок бабушка провела 16 лет жизни. Вернулась обратно в Татарию уже взрослым человеком — с профессией педагога, с русским языком вместо почти забытого татарского. Но писать историю маленькой девочки, выросшей на поселении, было неинтересно. Хотелось рассказать о взрослой женщине, которая получает в подарок вторую жизнь. История Зулейхи — вымышленная, но в ней много элементов правды, почерпнутых из научных работ о трудовых поселенцах, из мемуаров, из кино тридцатых годов (к примеру, из потрясающего фильма Сергея Эйзенштейна «Бегин луг»), к сожалению, почти полностью утраченного). Со вторым романом о немцах Поволжья также помо- гом кинематограф — лента «На переломе» 1927 года. Три главные роли там сыграли профессиональные актеры, а второстепенные — обычные крестьяне, советские немцы. Их лицами вдохновлены многие образы в романе — можно сказать, я рисовала типаж с натуры.

культура: Вы пишете о сложных исторических моментах, трагических. Чем это привлекает?

Яхина: Раннее советское время для меня — магнит. Мне в нем очень интересно, кажется, я его чувствую. О нем мало написано правды и совсем немного рассказано — поколение, которое родилось в двадцатые и двадцатье годы прошлого века, недаром называют «молчаливым». Хочется разобраться, что же на самом деле происходило там, в начале советского «светлого пути».

От Воскресения до Победы

Александр МАТУСЕВИЧ

XVII Московский Пасхальный фестиваль открылся одной из самых светлых опер русского репертуара — «Иолантой» Чайковского. В этом году один из самых представительных российских музыкальных форумов продлится ровно месяц. Традиционно начавшись в Светлое воскресенье, концерт завершится грандиозным концертом на Поклонной горе в День Победы.

Масштабность пасхального марафона поражает, его размах воистину циклопический — и по количеству мероприятий, и по географии. От Севастополя до Владивостока и от Мурманска до Владикавказа состоятся десятки концертов — симфонических, камерных, хоровых, колокольного звона. Иногда создателя фестиваля, худрука Мариинского театра Валерия Гергиева упрекают в гигантомании, в погоне за впечатляющей статистикой, однако думается, что энтузиазма и горения, подлинного служения великому искусству и своей Родине здесь гораздо больше, чем каких-либо других мотивов.

Открытие марафа состоялось в главном филармоническом зале страны — КЗЧ, где в концертном исполнении прозвучала последняя опера Чайковского «Иоланта». Напрямую с пасхальной тематикой она не связана, но тем не менее содержит осанну творцу всего сущего, глубокие философские рассуждения о божественном и земном, вечном и сиюминутном, обленные в форму прекрасной, светлой сказки со счастливым финалом. Для радостного православного праздника — пожалуй, лучший выбор maestro Гергиева.

Опера всегда занимала определенное место в программах Пасхального фестиваля, нередко Мариинка привозила в Москву и свои полноценные постановки, радуя как меломанов, так и театралов. Однако откровенно, что на этот раз «Иоланта» прозвучала в строгом филармоническом формате, ибо одиозная продукция Мариуса Трелинского, идущая на главной петербургской сцене с 2009 года, едва ли подходит для высокого пас-

ФОТО: АЛЕКСАНДРА МУРАШОВ

хального контекста. В текущем сезоне Мариинка уже не первый раз наведывается в столицу с оперными полотноми — до того были «Золото Рейна» Вагнера и «Симон Бокканегра» Верди. С точки зрения звучания оркестра и хора, безупречного и захватывающего, мощной выразительности гергиевской интерпретации партитуры, «Иоланта», пожалуй, двум другим исполнением не уступала, однако состав солистов оказался не таким неоспоримым, как это было, например, на презентации вагнеровского предвечерья. И прежде всего сомнения касались главной лирической пары.

Первые фразы Ирины Чуриловой в титульной партии буквально заворочили, голос новосибирской со- прано плавил густотой и глубиной, объемностью и красотой тембра. Средний и нижний регистры звучат

у нее впечатляюще, особенно в умеренной динамике. Однако нюанс форте и особенно верхний регистр, как оказалось, не являются сильными сторонами ее мастерства — именно здесь не хватает стабильности и культуры. Общее впечатление — некоторая эмоциональная одномерность и техническая недотянутость до идеала, что заставило вспомнить о гергиевской примадонне 1990-х Галине Горчаковой, чья карьера промелькнула, подобно комете, ярко и стремительно.

Первые фразы Миграна Агаджаняна, певшего влюбленного в Иоланту Водемона, напротив, насторожили: казалось, тембр недостаточно красив и слишком характерен для столь романтической партии. В манере присутствовала какая-то карамельная слезливость. Однако по мере развития вокального образа певец завоевывал все больше симпатии — многие фразы, а особенно кульминации, были спеты вдохновенно и даже благородно. Неоспоримая музыкальность Агаджаняна позволила сделать его Водемона естественным и трепетным, но тем не менее сомнения в притязаниях певца на премьерский теноровый репертуар до конца не рассеялись.

Ожидаемо качественно, но без блеска спели оба прославленных маринских баритона — Алексей Марков (Роберт) и Роман Бурденко (Эбн-Хакля), убедительно передав характеры своих героев — ловеласа и жуира герцога бургундского и величавого философа мавританского врача. Но наибольшей и абсолютно заслуженный успех snискал Станислав Трофимов в партии короля Рене: его могучий и сочный бас радовал как свободой и мощью звучания, так и разнообразием нюансов и проникновенностью и осмысленностью пения. Казалось, что бывшая басовая слава России вновь блеснула в пасхальное воскресенье. Достойный ансамбль главным персонажам составили исполнители второстепенных партий — Наталья Евстафьева (Марта), Кира Логинова (Бригитта), Екатерина Сергеева (Лаура), Андрей Зорин (Альмерик), Юрий Воробьев (Бертран).

Даже несмотря на какие-то несовершенства, маринская «Иоланта» оставила впечатление удивительности и восторга: Валерию Гергиеву и его подопечным удалось главное — подчеркнуть безмерную красоту этой музыки, добившись яркого театрального исполнения.

Barcelona в Москве

18 апреля 2018 года в Московском международном Доме музыки Симфонический оркестр Москвы «Русская филармония» исполнит все композиции легендарного альбома Barcelona в симфонической аранжировке.

Ровно 30 лет назад этот музыкальный шедевр был создан гениальным Фредди Меркьюри совместно с великой сопрано Монсеррат

Кабалье, уроженкой Барселоны. А заглавная песня альбома Barcelona осталась в истории как гимн летних Олимпийских игр 1992 года. В 2018 году Монсеррат Кабалье отмечает 85-летний юбилей, и шоу «Barcelona & Queen. Show must go on» оркестр «Русская филармония» посвящает именно ей.

На сцене Дома музыки в этот вечер выступят шведские рок-звезды Магнус Баклунд и Йохан Бодинг, а также солистка Большого театра Дарья Зыкова. Помимо композиций с альбома Barcelona, в их исполнении прозвучат бессмертные хиты группы Queen, такие как We Are The Champions, Bohemian Rhapsody, Don't Stop Me Now, We Will Rock You, Show Must Go On и другие. Дирижер — Роберто Молинели (Италия).

Адрес: Москва, Космодамианская набережная, д. 52.

Московский международный Дом музыки Светлановский зал Начало концерта — 19.00

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Бароны

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редактор: Михаил Бударгагин

Руководитель направления «Литература и искусство»: Ксения Позднякова

Ответственный секретарь: Александр Курганов
Дизайнер: Наталья Вайнштейн

Адрес редакции: 127055, Москва, ул. Новослободская, д. 73, стр. 1
Телефоны для справок: +7 (495) 662-7222

e-mail: info@portal-kultura.ru
Печать и распространение: +7 (495) 602-5512

Газета распространяется в России (включая Республику Крым и Севастополь), Азербайджане, Беларуси, Грузии, Таджикистане
Общий тираж 40 155

Отпечатано в ЗАО «ПК «ЭКСТРА М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, г. Красногорск, а/д «Балтия», 23 км, вл. 1, д. 1. Заказ № 18-04-00117
Подписано в печать 12 апреля 2018 г., по графику: 20.45, фактически: 19.30

Геннадий Саченюк:

«Великие песни делают человека лучше»

1 **культура:** 13 апреля — юбилей Александра Александрова. Как собираетесь отметить дату?

Саченюк: Будем выступать, конечно. Запланирован концерт в МВД, а перед этим поздравим хор со знаменательной датой, расскажем об Александре Васильевиче. Это особенно нужно тем, кто недавно пришел в ансамбль. У Александрова широкий диапазон музыкального творчества, но многие знают его прежде всего как автора «Священной войны».

культура: Запомнилось последнее грандиозное выступление Ансамбля Российской армии в прежнем составе 22 ноября 2016 года на сцене Большого театра. Но телевидение тогда показало не всю программу.

Саченюк: Могу обрадовать поклонников. На канале «Культура» смонтирована полная версия концерта. DVD у нас уже есть. Думаю, скоро полное выступление старого состава хора можно будет посмотреть по телевизору.

культура: 23 февраля прошлого года, спустя два месяца после авиакатастрофы, транслировался праздничный концерт ансамбля. Как вам удалось так быстро восстановить коллектив?

Саченюк: На самом деле ансамбль был воссоздан намного раньше: первые репетиции с новым составом начались уже 2 февраля. До этого был конкурсный отбор. За три-четыре дня мы стремились охватить пять-шесть песен. Первый выход нового коллектива состоялся уже 16 февраля в Театре Российской армии, где рядом с опытными Александровцами выступили и новички, такие, как Максим Маклаков, который до этого работал в музыкальных коллективах Краснодара. Праздничный концерт в Кремле, который показали по телевидению 23 февраля, состоялся 22-го, а на следующий день Ансамбль Александрова открывал Всемирные военные игры в Сочи. Иными словами, сразу же после московского концерта мы отправились на аэродром Чкаловский и через несколько часов уже были в Краснодарском крае. В середине марта выступали в Доме музыки. Там была очень необычная программа. В первом отделении мы исполнили классические произведения. Прозвучала Фантазия для фортепиано с оркестром (она написана сыном нашего основателя, Борисом Александровым), которая не исполнялась более 50 лет. Максим Маклаков пел арию Роберта

Дней Александрова прекрасное начало

Будущий автор музыки гимна СССР родился в 1883 году в селе Плахино Рязанской губернии, в крестьянской семье. Отец поощрял стремление сына к учебе. В результате мальчик получил начальное образование. После Александр поступил в земскую школу, где и начал петь в хоре. Способного молодого человека заметили благодаря его выразительному голосу и музыкальному слуху и помогли попасть в хор Казанского собора в Петербурге. Мальчик освоил сольфеджио и выделялся в солисты хора.

Успех воодушевил юношу, и он, по совету руководителя хора, поступил в Придворную певческую капеллу. Учеба там позволяла не только приобретать музыкальные знания, но и знакомиться с культурной жизнью столицы. По окончании капеллы Александр поступает в Петербургскую консерваторию, в которой ему преподавали Лядов и Глазунов.

Из-за сырого климата здоровье будущего композитора пошатнулось, и он оставил учебу. Но уже в 1909 году смог продолжить консерваторское образование в Москве. В 1916-м окончил учебное заведение с большой серебряной медалью по классу композиции, в 1918-м становится регентом Храма Христа Спасителя, в котором он, будучи студентом, подрабатывал певчим. Тогда же Александров уже сам начинает преподавать в Московской консерватории дирижер-

ское мастерство и занимается композиторской деятельностью, работает хормейстером в нескольких московских театрах.

В 1928 году он решает уйти из Консерватории, чтобы создать собственный хор. Удачное стечение обстоятельств позволило воплотить задуманное при подготовке концерта в Центральном доме Красной армии.

Первоначальная группа будущего прославленного ансамбля состояла из восьми певцов, двух танцоров, баяниста и чтеца. Выступление получило высокую оценку военного командования, и Политуправление Красной армии дало разрешение Александрову отбирать кадры для хора и ансамбля из числа красноармейцев.

Коллектив сразу же стал популярным, гастролировал, получал многочисленные награды, в том числе и орден Красного Знамени, после чего стал именоваться Краснознаменным. Сам Александров получил звание народного артиста СССР в 1937 году.

Александр Васильевич руководил коллективом 18 лет, скончался на гастролях в Берлине в 1946 году. Руководство ансамблем перешло к его сыну Борису, а коллективу присвоили имя А.В. Александрова.

Не только в Советском Союзе, но и сегодня в России ни одно празднование торжественных дат не обходится без концерта Ансамбля песни и пляски имени Александрова.

Игорь Раевский:

«Иногда меня огорчает, что к ансамблю за рубежом относятся лучше, чем на Родине»

культура: Мало кто знает, что Александр Александров писал духовные произведения, которые практически никогда не исполнялись Краснознаменным ансамблем.

Раевский: Действительно, он был сугубо гражданским человеком, и к армии не имел никакого отношения. Дирижировал церковным хором в Храме Христа Спасителя, сочинял песнопения для литургий, широко известен его знаменитый концерт под названием «Помилуй мя, Боже». Возглавить ансамбль армии его уговорил Климент Ворошилов. До того как меня назначили художественным руководителем, я управлял Хором имени Свешникова. Вот там мы пели весь духовный цикл Александрова. Исполнял ли когда-нибудь духовные произведения своего основателя Краснознаменный ансамбль, я не знаю. Но с 2008 года церковный цикл точно не пелся.

культура: Тяжело было начинать работу в Ансамбле Российской армии?

Раевский: Я с 1958 года руководил несколькими ансамблями песни и пляски, так что я бы не сказал, что это стало для меня каким-то новым эта-

пом. Поэтому при вхождении в коллектив никаких трудностей не было. Сейчас я по-прежнему работаю, но уже дирижером.

культура: После авиакатастрофы, в которой погиб практически весь хор, министр обороны поставил задачу восстановить Ансамбль Александрова в прежнем качестве?

Раевский: Совершенно верно. Когда набирали новый состав, я был членом жюри. Мы дали информацию по телевидению, радио и через интернет, что проводится конкурсный набор. На прослушивание приехало более 800 претендентов со всех уголков страны. Из них мы отобрали только 40 человек и тут же начали работу. Было 1 февраля, а нам поставили задачу 22-го числа дать первый концерт в Государственном Кремлевском дворце. По счастью, время репетиций не ограничено. Мы могли встречаться днем, да еще параллельно давать концерты. Конечно, пришлось проделать колоссальную работу. Но сумели, сдюжили. Как говорится, с пылу с жару! Певцы нового состава все очень хорошие. Но беда была в том, что все они солисты. Чтобы превратить их в хор,

нужно было приложить много усилий. Только сейчас, на втором году нашей работы, все начинает налаживаться. Словом, задачу, которую поставил министр обороны, мы выполнили и с довольно большим репертуаром выступили в День защитника Отечества в прошлом году.

культура: Сколько песен удалось восстановить за столь короткий срок?

Раевский: В арсенале Ансамбля Александрова около 2000 песен, а сейчас у нас в активе около сорока. Мы постепенно восстанавливаем старое, доброе, вечное. И, конечно, делаем что-то новое. С обновленным составом пришлось учить несколько турецких песен, поскольку планировались гастроли в Стамбуле. А у нас в ансамбле такая традиция: если приезжаем в какую-то страну, то обязательно исполняем народную либо широко известную песню на их языке. В Турции я с ансамблем выступал несколько раз. Они всегда очень хорошо нас принимают. А еще нас радушно встречают в Пекине, мы знаем уже пять или шесть китайских народных песен. Иногда меня огорчает, что к ан-

самблю за рубежом относятся значительно лучше, чем на Родине.

культура: Почему первые заграничные гастроли нового состава прошли именно в Стамбуле?

Раевский: У нас очень хорошие связи с местным импресарио. Он нас систематически туда приглашает. В Турции интерес к нашему ансамблю необычайно высок.

культура: Сколько вам понадобится времени, чтобы полностью восстановить золотой фонд песен Александрова? К тому же День Победы не за горами.

Раевский: Ко Дню Победы мы кое-что готовим. Но выдать что-то принципиально новое — такой задачи нет. У нас достаточно много патриотического репертуара, чтобы достойно выступить в этот большой день. Дело не в наборе песен, а в том, чтобы восстановить дух хора Александрова. Сейчас с новым составом все поется хорошо, правильно. Но той энергии пока достичь не удается. Когда мы совершим этот прорыв, то уже можно будет сказать, что ансамбль готов.

культура: В чем выражается дух хора?

Раевский: Это такое специфическое звучание. Звук должен быть и не народным, и не классическим, а особенным, собственным. Так не поет никто в мире. В нашей культуре это прецедент. Есть, конечно, похожие коллективы. Но бренд Ансамбля Александрова неоспорим.

культура: Как Вы считаете, кто мог бы составить конкуренцию вашему коллективу?

Раевский: Нельзя назвать никого, кто бы шел по нашей стезе. В Санкт-Петербурге замечательная капелла. В нашей стране много хороших коллективов.

культура: В хор набираются преимущественно военные?

Раевский: Нет. Никакой присяги участники не принимают. Просто работают в военном коллективе и надевают на концертах форму. А в повседневной жизни они гражданские люди.

культура: Какими качествами надо обладать, чтобы петь в прославленном ансамбле?

Раевский: Конечно, в первую очередь нужно обладать хорошими вокальными данными. Но никогда не

из оперы «Иоланта» Чайковского. Прошло больше года, и я бы уже не разделял старый и новый составы. Ансамбль существует 90 лет. Кто-то уходил, кто-то приходил, но хор был, есть и будет. И в целом он представляет российскую армейскую культуру, причем всегда достойно и красиво.

культура: Куда планируете отправиться на гастроли?

Саченюк: Планируем не мы, а Министерство обороны. Куда оно направит, туда полетим. У нас в репертуаре есть «Александровская песня» Пахмутовой и Добронравова, где сказано: «По профессии — артисты, по призванию — бойцы». Это точно о нашем коллективе.

культура: Изменилось ли за последние годы отношение к ансамблю за рубежом?

Саченюк: Был только один случай в 2015 году. Мы планировали выступить по приглашению импресарио в Эстонии, однако местные власти приняли решение об отмене гастролей. Но во всех остальных европейских странах залы были полны.

Так что никаких изменений мы не почувствовали. К русской культуре всегда хорошее отношение. Люди, которые идут на Ансамбль Александрова, знают, что хотят увидеть и услышать. На зарубежные концерты приходят не только русские эмигранты, но и иностранцы, которые не знают русского языка, но любят наши песни. Отмечу, что если раньше преобладали зрители пожилого возраста, сейчас очень много молодежи.

культура: Насколько полон сегодня репертуар?

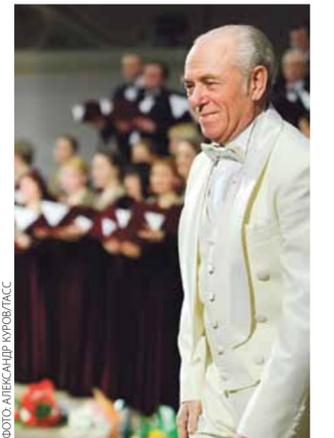
Саченюк: В первую очередь мы вернули песни о войне и русские народные, затем классику. Сейчас уже восстановлены практически в полной мере хореографические композиции.

культура: Известно, что ваш коллектив давно сотрудничает с Мирей Матье.

Саченюк: Это правда. Именно гастролы Ансамбля Александрова во Франции в 1967 году сделали начинающую певицу широко известной в нашей стране. Французская компартия попросила нас поддержать юный талант и взять ее в свою программу. За одну ночь музыканты написали аранжировку, за одно утро отрепетировали, а вечером состоялось выступление. Но мы сотрудничаем как с прославленными, так и с начинающими артистами. Просто нас вдохновляет их творчество. Мы горды тем, что работаем со многими исполнителями, и всегда рады сотрудничать с теми, кому интересно наше творчество.

культура: Всегда ли новые люди, которые приходят к вам в хор, профессионально растут и меняются?

Саченюк: В принципе, каждый артист, который работает в ансамбле, должен быть мастером своего дела. А в процессе работы в коллективе хористы еще больше преобразуются. Становятся более патриотичными, потому что ежедневно исполняют те великие песни, которые делают нас лучше. Эти произведения уже проверены временем. Человек проникается великим чувством и работает с полной отдачей сил.

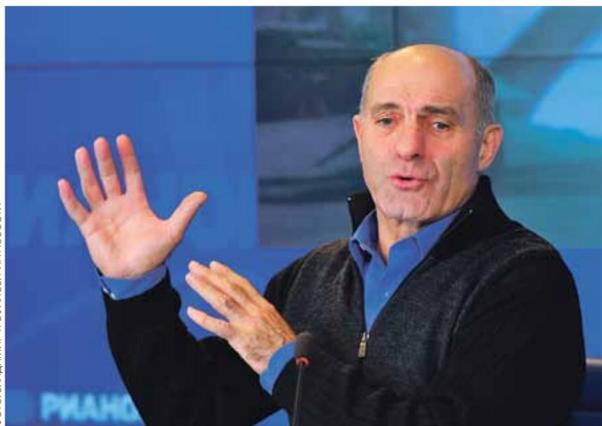
знаешь, что за человек пришел к нам. Даже если он обладает прекрасным голосом... Из тех, кого мы приняли, некоторых пришлось уволить — бывало товарищи с такими нервами, которые нам не подходили.

культура: Почему за рубежом так силен интерес к вашему ансамблю?

Раевский: Своими песнями мы растапливаем лед в душах, приобщаем к первозданной красоте, которая во многом утрачена, особенно из-за шоу-бизнеса. Но на массовых праздниках, гуляньях, в семейном кругу люди поют не попсу, а народные, советские песни.

Магомед Толбоев:

«Нужно возобновлять и лунную программу, и марсианскую»

Андрей САМОХИН

День космонавтики в России по-прежнему — всенародный праздник. В конце прошлого века многим казалось, что он навсегда связан с былыми достижениями. Сегодня все иначе, но стратегический звездный маршрут остается пока неясным. Своим взглядом на ситуацию поделился с «Культурой» Герой России, заслуженный летчик-испытатель, доктор исторических наук Магомед Толбоев.

культура: С каким настроением Вы встречаете День космонавтики?

Толбоев: В советское время 12 апреля был не только государственным, но и общенародным праздником — днем патриотизма, как 9 Мая. Фотографии Юрия Гагарина и Валентины Терешковой висели на стенке, наверное, в каждом втором доме. После 1991 года все изменилось: государству, таким, каким оно было при Ельцине, звезды стали больше не нужны. Но мы, слава Богу, прошли нижнюю точку падения — космическая программа и комплекс в целом восстановились, причем на новой цифровой основе. Правда, у нашей космонавтики до сих пор нет генеральной стратегической цели на десятилетия вперед. Думаю, что ее должна предложить Академия наук, а утвердить президент страны.

культура: По новому законопроекту, РАН как раз сможет предлагать правительству проекты на основе экспертного анализа. Владимир Путин на днях заявил об увеличении финансирования фундаментальных исследований в полтора раза...

Толбоев: России нужны великие цели. В сфере ВПК в этом смысле проше: задача не меняется — полная гарантированная защита нашей страны от внешнего нападения. Развитие стратегических систем вооружения до конца невозможно скрыть, несмотря ни на какую секретность. Для специалистов и у нас, и на Западе не стало необъяснимым чудом то новое вооружение, о котором сообщил президент в мартовском Послании Федеральному собранию. Они знают, что наши инженеры этим давно уже занимаются. Например, ядерными энергоустановками для ракет — еще с середины 1960-х. И маневрирующими боеголовками, и гиперзвуком... В СССР ведь был создан огромный научно-технический задел оборонного значения. И не все у нас американцы в 90-х вывели, многое хранилось в секрете и просто ждало внимания государства, возобновления финансирования. И президент запустил этот процесс, потому что не собирался сдавать страну. Хотя много времени мы упустили, дав ненужную фору, но, как видим, все же не проиграли вконец всю партию. Сумели и спрятать кое-что, и быстро развить. Но это, повторю, советский задел.

Космонавтике, где у нас тоже еще сохранились остатки былого отраслевого богатства, требуется ответить на простой вопрос: чего мы хотим в будущем? Быть в авангарде человечества, просто оставаться развитой космической державой, равной среди многих, или свернуть это направление для минимально необходимого с точки зре-

ния обороны и экономики? Нельзя идти по дороге, не выбрав направления. Если хочешь развиваться — включай народ, его энтузиазм, иначе будет в лучшем случае топтание на месте.

культура: В СМИ иногда появляются сообщения о возобновлении программы «Энергия — Буран», в которой Вы непосредственно участвовали в составе группы космонавтов-испытателей «Бурана». Верите ли Вы, что этот проект осуществим?

Толбоев: Технически это, наверное, возможно, но на другой основе. Нужно понять, с какой целью. Ведь это был исключительно дорогой проект. У «Бурана» в основном были военные задачи. Там, например, устанавливались манипуляторы, которые могли спутники противника хватать и сбрасывать с орбиты. Отработывались даже задачи снять и увезти на Землю американскую станцию «Скай-лаб». Готовились для этого специальные ланжеты в трюме корабля длиной 16 и радиусом 4,5 метра. Грузовой отсек вмещал до 30 тонн при взлете. На Земле отработывались лазерные и электромагнитные пушки для космических дуэлей, велись опыты по распознаванию ложных и настоящих боевых знаков с челнока, маневрирующего на орбите. Для нынешних задач — ни гражданских, ни военных — эта машина сегодня не актуальна, время ушло вперед... А вот технологии, полученные в том суперпроекте, например, тепловой защиты, активно используются и сегодня, в том числе в новейших авиаракетных системах.

культура: Могут ли военные разработки сегодня послужить для развития «гражданского» космоса?

Толбоев: А как же! Вся техника, не только авиационно-космическая, во всех странах заказывалась военными. Кто брал первые промышленные партии мотоциклов? Немецкий вермахт, итальянская горная пехота. Мобильная связь, интернет — все родом из ВПК, а потом переходит на «гражданку». Американцы это хорошо освоили. Нам не хватает диверсификации, основанной на научном, экономическом расчете. Это совсем не то что закупать иностранную технику и повышать бесконечно налоги.

культура: Почему наши ракеты часто падают?

Толбоев: Из-за слабой дисциплины и контроля, разболтанности, недостаточной мотивации, плохой подготовки молодых специалистов. Короче, из-за глупости и неразберихи, которые и в советской космонавтике были, но с ними умели справляться. Я выступаю экспертом по многим авиакатастрофам. И часто бывает так, что ошибки той или иной инстанции просто замалчиваются, только бы не пострадали большие и малые начальники. Так не должно быть.

культура: Владимир Путин объявил недавно о возобновлении российской «марсианской миссии». Как Вы к этому относитесь?

Толбоев: Все это необходимо делать. И марсианскую программу возобновлять, и лунную, задуманную еще Королевым. Двигатели строить, рассчитывать новые мощные ракеты-носители. Без дальней мечты, сверхцели космическое развитие не существует. Да и другого пути, кроме как осваивать иные планеты, у цивилизации просто нет. А к продолжению «коммерческого космоса», связанного с запу-

ском спутников и так далее, на мой взгляд, надо шире привлекать частный бизнес, вплоть до строительства негосударственных космодромов. Уверен, что люди, способные и желающие это реализовать, найдутся. Более того, знаю таких людей. Но у нас чиновники этого боятся как огня. Даже в создании малой авиации у нас инициативным людям практически не пробиться. В России сегодня 16 частных авиаконструкторских фирм, организованных при больших авиационных бюро. Вот смотрите: сверхлегкий самолет «Сигма-б» со складывающимися крыльями — классная техника, которая создана и испытана без всякой поддержки государства. Сборочный цех находится у нас в Жуковском. Мы построили за три года первый частный аэродром в подмосковном Воскресенске. Но чиновникам нашим, кроме личной маржи, ничего не нужно — любое подобное начинание пробивается нечеловеческими усилиями. А почему? Я задаю им вопрос: что вы будете делать без малой авиации, в случае военного положения, когда половина связи исчезнет? Американцы что, дураки? Я сделал наглядную сравнительную таблицу: у американцев малых аэродромов — 15 000, а у нас — 350. Малых воздушных судов у них 223 000, а у нас 300, пилотов для этой техники соответственно полмиллиона и 4000. Почувствуйте разницу...

Да, у нас нет пока на виду таких людей, как Говард Хьюз, который отдал всю свою жизнь и состояние американской малой авиации и развил ее в итоге. Но и запроса государства на таких людей ведь нет! Вы киньте клич, объявите о поддержке, обозначьте цель — глядишь, такие деятели и появятся! А чиновники наши, на откатах сидят, и «госкапитализм» на любое такое предложение пожимают плечами: «А зачем это?» Им действительно неясно... Простой вопрос: космонавты откуда берутся — не из летчиков ли? А в летчиках, в авиаконструкторы идут те, кто с детства небо увлекался. Это дело государства, если оно не хочет лишиться своих крыльев. У нас же только последние годы кое-как возобновляются авиамодельные кружки, которых в Союзе было множество. С летчиками-испытателями настоящая беда: средний возраст классных профессионалов уже к 60 приближается.

культура: Как Вы попали в отряд испытателей Игоря Волка, прозванный «Волчьей стаей»?

Толбоев: Вообще, удивительно, как я стал летчиком. Я вырос в горах, не знал русского языка, овец пас, следил за полетом орлов. В Махачкале в детстве ни разу не бывал! Однако же что-то подняло меня, привело в летное училище в Ейске.

И еще одно чудо: гораздо более образованные русские ребята не были отобраны, а я оказался в числе 225 (из 1196 поступавших), зачисленных в училище. Выпускниками стали лишь 123 человека. В 1977-м я поступал в отряд космонавтов, прошел там почти всю комиссию, «срезали» на медицине: из-за нескольких катаультивирований у меня было четыре грыжи Шморля. После этого я вернулся в воинскую часть. Летал в Восточной Германии три года в составе Западной группы войск, побывал в Анголе по «командировке», окончил МАИ. И в итоге все же оказался в отряде летчиков-испытателей. То, как мы тестировали «Буран», как участвовали непосредственно во всей этой великой эпопее, — отдельная история...

культура: Нет ли у Вас чувства обиды на судьбу: что так и не довелось полететь в космос, что копия «Бурана» была превращена в развлекательный экспонат, а оригинал угробили?

Толбоев: Конечно, горечь была в начале 1990-х, как у любого причастного, да и просто нормального человека. Но что теперь, вечно сидеть и плакать об ушедшем? Надо думать о будущем... И не просто думать — делать уже давно пора, засучив рукава. Два десятка лет потеряли уже, несколько поколений, превратившихся в циников-пофигистов. Может, хватит уже? Без этой общей государственной перемены День космонавтики у нас будет лишь памятной ностальгической датой для гаалочки.

Екатерина САЖНЕВА

Королев — уникальный город, известный далеко за пределами Подмосковья. Именно здесь, в тихих Поддипках, лучшие советские ученые и инженеры начинали покорение космоса. Сегодня спасением и охраной первого в мире жилого квартала, построенного для ближайших соратников Сергея Королева, занимаются простые горожане. Они отстояли часть домов из легендарного «космического» квартала, впереди — оставшиеся дома, помнящие пионеров освоения Вселенной.

Иду по весенней улице Фрунзе, где жили отцы-основатели отрасли, приглашенные на работу лично генеральным конструктором. Василий Мишин, один из основоположников практической космонавтики, заместителем Сергея Павловича Королева: Анатолий Абрамов, отвечавший за наземный комплекс, в том числе Байконур, и Леонид Воскресенский, руководитель испытаний ракетной техники; Алексей Исаев, создатель жидкостного ракетного двигателя...

Любая фамилия — статья в энциклопедии, ордена и медали, памятная доска на фасаде дома и на стенах предприятия; или кратер на Луне, названный в честь ученого, инженера, исследователя... Это великое поколение ушло, оставив после себя историю о подвиге, а сегодня дома, которые помнят людей, изменивших мир и воплотивших тысячелетние мечты человечества, хотят снести.

Битва за Цветаеву

В Королеве историческое наследие стараются чтить, и самый показательный из недавних примеров вмешательства общества в дела города — спасение «цветаевского сквера». Марина Цветаева поселилась в Болшево, одним из районов Королева, после возвращения из эмиграции в 1939 году. «Там — сосны, это единственное, что я знаю», — написала Марина Ивановна в дневнике. Дом надоело пережить временных постояльцев и стал всемирно известным музеем. В 2012 году тогдашним руководством города было решено, что сосны срубят, на месте сквера построят детский сад, а через дорогу — жилой комплекс. Но неожиданно на защиту дома-музея встали жители города. За сохранение сквера они боролись отчаянно, выходили на митинги в снег, дождь и метель, массово собирали подписи против многоэтажного строительства.

Никто в это не верил, но сосны удалось отстоять. В июне 2013-го, после длительной реконструкции, губернатор области Андрей Воробьев торжественно открыл отреставрированный музей Марины Цветаевой.

Теперь дамоклов меч навис над самым, пожалуй, известным «космическим» кварталом Королева, в границах улиц Фрунзе, Лесная, Карла Маркса и Циолковского.

Лучший в РСФСР

Передо мной — обычные двухэтажные здания, ничем не примечательные на фоне нынешних особняков. Некоторые отремонтированы, покрашены, и сразу видна их сохранность, несмотря ни на что, индивидуальность. Эти дома были построены для первых в мире специалистов практической космонавтики, ближайших сподвижников и единомышленников Сергея Королева. «1946-й считается

годом появления нашего наукограда, именно тогда вышло постановление Совета Министров СССР о развертывании в стране работ по реактивному вооружению, и этим было положено начало создания отечественной ракетостроительной промышленности», — объясняет Игорь Гришин, активист королевского отделения ВО-ОП/ИИ.

Тогда же в подмосковном Каалининграде, как прежде назывался Королев, на базе артиллерийского завода № 88 развернулся Научно-исследовательский институт реактивного вооружения — полностью засекреченный НИИ-88. «Естественно, приехали новые сотрудники, им нужно было где-то жить, и поэтому 16 первых жилых зданий решили строить сразу после образования НИИ-88», — продолжает Игорь Гришин. Автором застройки являлся известный советский архитектор Николай Рябцев. Для жителей малоэтажного квартала создавались комфортные условия. Только представьте: на заре 50-х, когда страна восстанавливалась после войны, людей селили в коттеджи на несколько семей. Наукоград предполагал полную закрытость, чужие здесь не ходили. Больше воздуха, свободы, зелени, солнца. Ровный периметр пересеченных улиц. 18 ноября 1950 года проект был выдвинут для участия в конкурсе как самый качественный по строительству и самый благоустроенный квартал РСФСР.

Пройду по Циолковского, сверну на Карла Маркса

«Смотрите, это же совершенно целостная архитектура комплекса зданий, здесь нет ничего лишнего, случайного», — уверяет Валерий Оголяр, военпред РКК «Энергия» с 1970 по 1994 год, член Общественной палаты города Королев. 17 двухэтажных, два трехэтажных и один четырехэтажный дом. Здесь все друг друга знают. Расслаивались при встрече. Единомышленники, соратники, академики. Лесная, 14, — по этому адресу жил великий инженер Алексей Исаев. На стене — мемориальная доска в его честь. Кстати, ее единственную разрешили повесить, иначе бы все постройки в квартале покрылись именными табличками. Легендарный «зачем по испытанию» Леонид Воскресенский тоже поселился здесь. «Это были необычный двор, или квартал. Он объединил людей — конструкторов, технологов, ученых, рабочих, которым предстояло проложить дорогу в космос», — написала 20 с лишним лет назад местный историк-краевед Раиса Дмитриевна Позамантер.

Несмотря на официальную открытость, зрительному кварталу была ограждена от пространства города. В самом начале — дома, возведенные в 40-х годах, по духу и планировке они сильно отличаются от зданий на излете улицы, постройки конца 50-х. «А центром всего, венцом творения, стала башенка на углу здания 17/21 по Циолковского, неподалеку от дома, где жил Сергей Павлович Королев, которую возвели в соответствии с важными стратегическими целями, однако жители вскоре придумали ей мирное назначение — там собирались ставить первую общественную телеантенну», — рассказывают мои протажки. Местная малышня во время больших государственных праздников любила залезать на самый верх и смотреть на далекие московские саляги, которые были видны только отсюда, с самой высокой точки наукограда. «Эти постройки до сих пор хранят атмосферу колыбели космо-

навтики, нигде в мире такого больше нет, мы были первыми, лучшими, уникальными — и вот наш квартал собирается снести», — говорит активист Игорь Гришин.

Не космос, а колбаса

Не нужны эти дома стали еще во времена перестройки, когда про космос позабыли. «Не все ли равно, кто продолжит его освоение — мы или американцы? Космос принадлежит всему человечеству, — любил повторять тогдашний лидер. — Зачем нам ракеты, когда есть колбаса».

До Королева, разом превратившегося из знаменитого наукограда в обычный подмосковный населенный пункт, руки уже не доходили. «Дома постепенно теряли свой лоск. Сначала их обещали отремонтировать, но со временем про это забыли, каждая новая власть мечтала радикально решить вопрос, все снести и на этом месте — все же центр города! — построить что-то более современное и экономически выгодное», — вспоминают местные жители. Дворы не убрались, подъезды тоже. Со временем многие жители, работники космической промышленности, отсюда съехали — неприятно жить среди мусора.

Но остаются патристы своего квартала, как тот же Валерий Оголяр. «Нам говорят: «Зачем вам эти старые дома? Что в них такого? Они никому не нужны, и бюджет гораздо лучше, если их сломают». А ведь это не просто здания, где прошла наша молодость, но и историческая память, самое сердце космической столицы России», — объясняет он. «Конечно, тех, кто купил это жилье в надежде на скорый снос и получение от города нового, тоже можно понять. Но, наверное, было бы честнее им просто продать эту недвижимость, если она не нравится», — говорит член инициативной группы по сохранению «космического» квартала.

Противники существования квартала упираются на то, что степень износа большинства строений составляет более 65 процентов, инженерные системы давно требуют капитального ремонта, а деревянные перекрытия в любой момент могут рухнуть. В 2013 году тогдашнее руководство города выдвинуло программу ликвидации всех домов «космического» квартала как «не соответствующих современным требованиям, предъявляемым к жилью и нежилым строениям» и заявляю о необходимости принять «меры по застройке, восполнению и развитию жилого фонда». С тех пор здания так и стоят под угрозой сноса. Жильцы написали и распространили в интернете петицию на имя руководства города и области. Воззвание поддержало больше 2000 человек. В ноябре 2017-го подмосковные власти признали четыре дома объектами культурного наследия, следующий шаг — расширение этого статуса на весь квартал.

Людам, которым это место дорого, слишком долго отвечали, что денег на полноценную реставрацию нет. А тем, кто хотел вложить свои собственные деньги в ремонт домов и делал это в меру своих сил, говорили: «Зачем? Все равно снесем!» Защитники не просто голосовно ратуют за его сохранность. У них есть реальная программа реконструкции этих исторических зданий, создана инициативная группа, готовая заняться данным вопросом, в том числе найти спонсоров для дальнейшей реставрации. Все, что они просят: местные власти должны принять решение не уничтожить квартал. Дальше — сами.

Здесь будет город-сад?

«В 2013 году мы с соседями, жителями дома 15 по улице Карла Маркса, договорились сделать ремонт в своем подъезде, оштукатурить стены и покрасить окна, привести в порядок балконы — наш дом сразу стал как игрушечный. Теперь здесь тихо, уютно и чисто», — отмечает активист Дмитрий Константинович. «Мы написали доклад по истории этих мест, вместе со специалистами придумали новую концепцию развития квартала. Получился огромный альбом формата А3», — рассказали волонтеры. В нем жители исторических домов, общественные деятели, архитекторы, активисты и блогеры вспомнили о великой истории своего города, легендарных жителях, поведали о проблемах современной жизни, о желании сохранить архитектурно-исторический облик Королева. Вот результат опроса о будущем квартала в группе «Официальный Королев»: 78,4 процента горожан заявили, что хотят обсуждать его судьбу наравне с жителями домов, ведь исторический центр города принадлежит всем.

Что будет дальше, сказать трудно. Пока квартал, оставшийся памятью о великой эпохе, заброшен. Но если космос — это не только прошлое, но и будущее, у домов есть шанс. Хочется верить, что в России не забыли не только о далеких звездах, но о том, для чего на самом деле нужно гражданское общество.

СЮЖЕТ

ФОТОГРАФИИ ОЛЕГ БОЛОДИН/ИМБП РАН

Александр Хохлов: «С МКС прислали фото: «Саня, держись!»»

Екатерина САЖНЕВА

Редкий герой интервью появляется перед тобой прямо из ванны. Но у инженера-конструктора космического приборостроения Александра Хохлова была веская причина: он участвовал в важном эксперименте. Десять добровольцев Института медико-биологических проблем РАН разрешили погрузить себя в емкость с водой на пять суток. Это исследование называется «сухая иммерсия». Его цель — имитировать состояние невесомости, чтобы помочь покорителям космоса живыми и здоровыми вернуться домой.

Внешне эксперимент прост. Добровольца кладут на специальную подставку и медленно погружают в небольшой бассейн, наполненный обычной теплой водопроводной водой, которая покрыта пленкой, на поверхности остаются только голова и руки. В таком необычном состоянии он, чувствующий то же, что и настоящий космонавт, должен оставаться ровно столько, сколько ему скажут специалисты.

Началось все в июне 1970-го, когда Андриян Николаев и Виталий Севастьянов поставили абсолютный мировой рекорд по продолжительности космического полета — 17 дней и 17 часов. Тогда еще никто не знал, чем грозит организму длительная невесомость. С места посадки героев пришлось эвакуировать: Николаев и Севастьянов не могли самостоятельно передвигаться, у них ухудшились многие физические показатели. И хотя оба восстановились, вскоре Андриян Николаев перенес два инфаркта. Кризисное состояние, которое испытывает космонавт сразу после приземления, назвали «эффектом Николаева». Перед советскими учеными была поставлена задача — снизить негативное воздействие длительного пребывания в космосе, иначе дорога к далеким звездам для человечества закрыта.

Наши дни. ИМБП РАН. Только что завершились пятые сутки эксперимента сухой иммерсии в рамках исследования «Эффективность низкочастотной ЭМС в предотвращении мышечной атрофии и остеопороза, развивающейся в условиях наземного моделирования условий космического полета». Доброволец Александр Хохлов пробыл в «земной невесомости» пять суток. «Можно сказать, что по некоторым параметрам я побывал в настоящем космосе, — говорит он. — Потом, когда на основании результатов делаются выводы, публикуются научные статьи, в них обязательно указывается, что данное исследование было проведено, к примеру, на пяти космонавтах и на тридцати наземных испытуемых, мы тоже входим в статистику».

культура: Кажется, ничего сложного: лежишь себе...

Хохлов: Это не так. В первую ночь началось острая адаптация. Из-за перераспределения жидкости в теле у меня, например, заложило нос, начал вспухать живот, ныть спина. В невесомости позвоночник расширяется. Мой обычный рост 169 см, на вторые сутки испытания увеличился до 172. Казалось, будто нахожусь в каком-то болоте. Ночью, спросонья, едва ли не тонул, не мог найти удобного положения. Насос работал, громко гонял воду, впрочем, на борту космической станции, как говорят, еще более шумно... По условиям эксперимента можно было встать берущим, но я их не очень люблю. Наутро чувствовал себя настолько разбитым, что боялся превратить испытание досрочно. С аппе-

титом тоже все было неважно. Если в первый день съел все, что дали, то после практически бессонной ночи едва смог осилить половину порции.

культура: За пять дней эксперимента можно было выспаться, наверное, на весь следующий год.

Хохлов: Обычно я просыпался раньше восьми утра, до того как объявляли подъем. Рядом постоянно дежурила бригада из трех человек: врач, техник и лаборант. Регулярно приходили сотрудники других отделов института. Фиксировалось все, вплоть до того, сколько я выпил воды, как меняется мой обмен веществ, выдыхаемый и выдыхаемый воздух, кислотность желудка, работа сердца, зрение. Проверили даже болевой порог, оказывался в состоянии невесомости у человека совершенно другое восприятие боли. К тому же я не просто лежал в ванне: мне надевали на ноги специальные электроды и подавали ток, чтобы провоцировать движения. Эта процедура называется электромио-стимуляцией. Три часа током — как два часа прогулки по парку. Считается, что даже при пассивном воздействии на мышцы происходит определенная нагрузка и, если подобными упражнениями космонавты станут заниматься на станции, то по возвращении домой будут себя чувствовать гораздо лучше. Хотя, скажу честно, ощущения не из приятных. Многие медики уверены, что традиционные занятия спортом — два часа в сутки, как это сейчас принято на МКС, — все-таки полезнее.

культура: Вы успевали регулярно выходить в интернет?

Хохлов: Я старался публиковать в соцсетях свои мысли, эмоции и фотографии, но было очень неудобно долго держать на весу телефон. В первые сутки, когда совсем плохо себя чувствовал, слушал музыку, а читать по-лучалось только утром. Я специально взял с собой книгу Чарльза Уолфор-та и Аманды Хендрикс «За пределами Земли». В поисках нового дома в Солнечной системе».

культура: Как думаете, сможем мы в ближайшие пару сотен лет его найти?

Хохлов: Если смотреть в очень далекую перспективу, то выход к звездам — единственный для человечества путь. Но Солнце стабильно, и время у нас есть. Поэтому на сегодняшний день потеря возможности летать в космос — не самый страшный вызов для землян.

культура: Вы как человек, входящий в первую тройку российских авторов, пишущих о космосе, разделяете оптимизм по поводу планов строительства орбитальной лунной станции и пилотируемой экспедиции на Марс, о которых заявил на днях глава Роскосмоса Игорь Комаров?

Хохлов: Создание международной орбитальной лунной станции с условным названием «Ворота в глубокий космос», как мне кажется, станет вполне реальным уже в ближайшее десятилетие. Высока вероятность и того, что к 2030 году люди вернутся на Луну. По поводу Марса говорить сложно, мне бы и самому очень хотелось стать членом экипажа одной из первых экспедиций, но... При самых хороших прогнозах шанс туда попасть есть у нынешних школьников, хотя то же самое говорили и в 90-е.

культура: Вам удалось поучаствовать в своеобразной, хотя и не совсем настоящей экспедиции на Марс?

Хохлов: Да, существует «Марсианское общество» (The Mars Society). Это организация, которая изучает возможности частной миссии к Красной планете и ее освоения и имеет две «станции» в пустыне штата Юта и на острове Девон. Пробытие там — скорее, психологический тренинг, так как приближение к реальности относительно, только какие-то общие атрибуты космической станции, как мы

ее себе представляем — оранжерея, каюты, шлюзовые камеры. В 2013 году мы стали первой российской командой, приехавшей туда.

Уже запланирован изоляционный эксперимент SIRIUS (Scientific International Research in Unique terrestrial Station), который будет длиться сериями — 4, 8 и 12 месяцев. По сценарию он должен имитировать длительный космический полет в закрытом пространстве, например, на Луну. Там достаточно специфические требования к добровольцам: так как это серьезная международная программа, то в исследовании обязательно должны принять участие три представителя разных стран, три женщины, врач ИМБП РАН, на роль командира корабля требуется опытный человек, например космонавт.

культура: Как Вы себя чувствовали к концу эксперимента?

Хохлов: На пятые сутки чувствовал себя замечательно — началась эйфория от того, что я выдержал. К тому же мне устроили приятный сюрприз: Антону Шкаперову и Олегу Артемьеву, которые сейчас на МКС, отправили снимки с моими приключениями в ванне, а они в ответ прислали свою фотографию — плавающие в невесомости с листком в руках, на нем написано: «Саня, держись!»

культура: Быстро пришли в себя?

Хохлов: Сначала тряслись ноги, болела голова, будто я сдал как донор 450 мл крови. На каталке меня доставили в лабораторию гравитационной физиологии, где провели необходимые тесты. Говорят, сколько человек провел в космосе — столько он и будет восстанавливаться на Земле. Так что через пять дней все уже было в полном порядке. Интересно, что осенью в институте планируется следующий этап сухой иммерсии — уже 21 сутки. Такого давно не было. Обычно 3, 5, 7 дней. Максимально было 56. Все-таки это очень тяжело.

культура: Любимый может подать заявку и стать добровольцем?

Хохлов: Да. Во всех соцсетях есть страница ИМБП РАН, и можно туда написать. Есть, конечно, определенные ограничения по возрасту — до тридцати или сорока лет. Обычно берут только москвичей или жителей области (человек должен быть физически доступен все время тестов и в определенный период после их завершения). Мне, жителю Петербурга, повезло — было где переночевать. Эксперименты разные: например, летом планируется исследование на центрифуге короткого радиуса. Это не какие-то теоретические изыскания — ко многим вещам, которые сегодня эффективно используются в практической космонавтике, пришли когда-то опытным путем.

культура: А если скоро будет массово использоваться искусственная гравитация, проблемы преодоления негативного воздействия невесомости в космосе не станут? Получается, страдали зря?

Хохлов: Не думаю, что зря. То, что показывали в фантастических фильмах об искусственной гравитации, это правда, такие технологии возможны, просто они очень дорогие. Рано или поздно, если человечество не перестанет летать к звездам, будут решены многие проблемы космической адаптации. Но при этом все равно нужно осознавать, что может произойти любая ситуация. Мало ли, что-то сломалось, авария на корабле, невесомость вернулась, и что? Мы должны быть ко всему готовы.

ФОТО ВАЛЕРИИ МЕЛЬНИКОВЫХ/ИМБП РАН

Августин СЕВЕРИН

Самый известный скафандр — тот, в котором Юрий Гагарин совершил первое путешествие вокруг Земли, сегодня хранится в подмосковном поселке Томилино. Здесь, на НПП «Звезда» имени Г.И. Северина, производится практически вся экипировка для наших покорителей звезд. Побывав на знаменитом предприятии, корреспондент «Культуры» выяснил, в каком облачении станут отправляться в космос в ближайшем будущем.

Оранжевый комбинезон и шлем с надписью «СССР» — один из главных символов эры покорения космоса. Первопроходцы, отправленные на орбиту, облачались в скафандры серии «СК».

У такого снаряжения был целый ряд особенностей, — рассказывает генеральный директор и главный конструктор НПП «Звезда» Сергей Поздняков. — Это обусловлено тем, что тогда корабли не имели системы мягкой посадки, поэтому вся первая шестерка, включая Валентину Терешкову, катапультировалась из капсулы спускаемого аппарата и приземлялась с помощью парашюта, для которого в скафандр была встроена специальная система. Дополнительные устройства помогли не утонуть и не замерзнуть, поплавав в холодную воду. «СК» также включал в себя мощный шлем, который должен был защитить голову от ударов при выходе из кабины, парашютировании, приземлении.

«СК» означает и то, что с него начинается целое поколение спасательных скафандров. Его главная функция состояла в сохранении жизни человека в случае разгерметизации кабины. Современные же костюмы делятся на две группы: спасательные и предназначенные для работы в открытом космосе («Орланы» и «Соколы»). Раньше использовалось универсальное снаряжение.

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ОДИНЦОВЫХ/ИМБП РАН

— Типичный пример — «Беркуты», в которых Алексей Леонов и Павел Беляев взлетали и приземлялись, — поясняет Поздняков. — Больше всего времени скафандры выполняли функцию спасательных, но после присоединения ранцев системы жизнеобеспечения в них выходили в открытый космос. Там были усилены теплоизоляция и перчатки, установлены дополнительные светофильтры. «Одежду» такого же типа использовали американцы, работавшие по программе «Аполлон».

«Беркут» Алексея Леонова украшает коллекцию музея «Звезды». На соседней витрине следующее поколение «пернатого семейства» — это «Ястреб», универсальный скафандр, в котором отработывалась методика выхода по внешней поверхности из одного аппарата в другой. В открытом космосе его выполняли Евгений Хрунов и Алексей Елисеев: в январе 1969 года, облачившись в «Ястребы», они перешли через открытый космос из корабля «Союз-5» в пристыкованный к нему «Союз-4». Так проходила подготовка к полету на Луну.

А для прогулок по поверхности спутника был создан «Кречет» — родоначальник серии скафандров для работы за пределами корабля. Он стал прототипом «Орлана», в котором сегодня работает большая часть коллектива МКС. Главное отличие «Кречетов» и «Орланов» — их полужест-

кая конструкция. Основой является металлическая кираса, защищающая туловище. Входят в космический до- ступ через люк на спине, в нем же находится система жизнеобеспечения. Это, кстати, еще одно важное новшество: раньше она размещалась в съемных ранцах. Кроме того, современные костюмы легко подгоняются по росту космонавта прямо на станции, в то время как «Ястребы» с «Беркутами» изготавливались по индивидуальным размерам. Первый выход в открытый космос в скафандре серии «Орлан» в декабре 1977 года совершили Георгий Гречко и Юрий Романенко. Потом на «Звезде» было создано несколько поколений снаряжения этой серии, исправно служивших космонавтам на орбитальных станциях «Салют-6», «Салют-7» и «Мир». А в «Орлане-Э» работали участники проекта «Марс-500» по имитации пилотируемого полета на Красную планету.

Сегодня на Международной космической станции используется снаряжение шестого поколения — «Орлан-МКС», правда, аббревиатура расшифровывается как «модернизированный, компьютеризированный, синтетический», — рассказывает руководитель заводской лаборатории «Звезды». — Его принципиальное отличие от предшественника — автоматическая система терморегулирования и более долговечный и надежный материал для герметичных оболочек костюма. Благодаря замене резиновой оболочки на полиуретановую инженерам удалось увеличить срок использования скафандров с четырех до пяти лет, а количество выходов в открытый космос — с 15 до 20.

Сейчас на орбитальной станции только один «Орлан» последней серии. В августе 2017 года на внешнюю поверхность МКС в нем выходя Федор Юрчихин, а минувшей зимой — Александр Мисуркин.

— Первые выходы доказали их надежность, но при этом выявили и недостатки, а именно излишнюю жесткость оболочки, из-за которой при регулировке рукавов на них появлялись складки, осложняющие движе-

отправится еще и «Фэйтаны» — костюм, который внешне почти неотличим от нашей разработки, но на его «начинку» нам посмотреть не дали. Поскольку по контракту мы поставили три скафандра, я не исключаю, что свой они сделали из одного «Орлана».

В пользу этого говорит и то, что с 2008 года китайцы ни разу не выходили в открытый космос. Доставка скафандров на Землю — дорогое и хлопотное занятие, а их разработка и по- дально, то есть этот десятилетний перерыв, возможно, объясняется тем, что старые костюмы кончились, а новые сделать не получилось. К слову, китайское спасательное снаряжение тоже подозрительно похоже на российский «Сокол».

— Сегодня принципиально отличия американских скафандров от наших не так много. И у нас для работы в открытом космосе используются костюмы полужесткого типа, — добавляет Поздняков. — Снаряжение производства США состоит из двух частей: основа верхней — кираса с жестко закрепленным на ней ранцем системы жизнеобеспечения, нижняя — своего рода штаны. Скафандр надевается по жесткому поясно-голье, без помощи партнера это сделать невозможно. По публикациям, которые есть в открытом доступе, мы видим, что американцы в своих разработках копируют нашу схему. Спасательная экипировка используется наша, «Сокол-КВ2», поскольку сегодня всех — и американцев, и европейцев, и японцев выводят на орбиту «Союзы». Этим, кстати, объясняется то, что Европа не разрабатывает свое снаряжение: его негде при- менять.

— На рубеже столетий у нас был совместный проект, в рамках которого

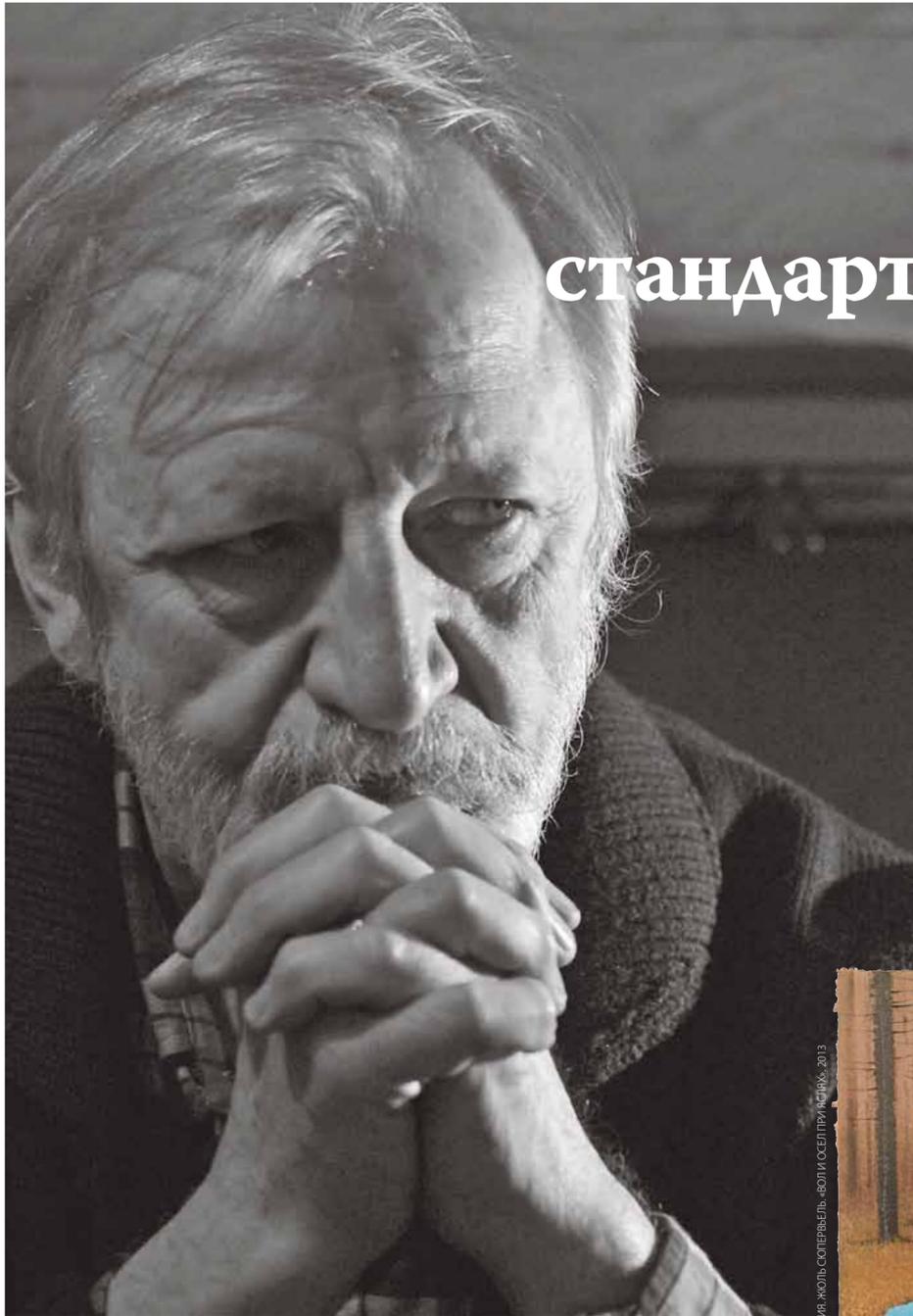
ФОТО: ВАЛЕРИИ МЕЛЬНИКОВЫХ/ИМБП РАН

они планировали сделать свой скафандр для выхода в открытый космос, — вспоминает руководитель НПП. — Они хотели создать корабль и экипировку с нашей помощью. Но дальше технического проекта дело не пошло.

Кстати, именно на основе «Сокола» будут разработаны спасательные костюмы для «Федерации» — много-разового пилотируемого корабля, который должен прийти на смену «Союзу» и автоматическим грузовым «Прогрессам».

— Скафандры должны быть много-разовыми и универсальными, — поясняет конструктор. — «Соколы» сейчас изготавливаются индивидуально для каждого космонавта. Кресла «Казбек», которые используются на «Союзе», ввиду маленького объема корабля, очень тесные, поэтому для каждого члена экипажа отливается отдельный ложемент. Мы также разрабатываем новые кресла для «Федерации». Идеология, которую мы продаем, — это создание скафандров типовой размерности. Как с обычной одеждой, так и здесь, но с сохранением функции регулировки. Это то, что касается универсальности, а много-разовость предполагает еще и возможность дезинфекции. В идеале должно быть так: висит набор костюмов, подходит космонавт, выбирает свой размер, при необходимости подгоняет под себя.

Игорь Олейников: «Нравится разрушать стандарты иллюстрирования»

было много ее ковров, их очень любил Косыгин. Их давно убрали. Благодаря маме я начал рисовать. Правда, художественного образования так и не получил. Сначала это ничуть не мешало. Потом, когда стал делать книги, почувствовал, что не знаю многих законов рисунка. Потихоньку учился, получал щелчки по носу: это оказалось даже полезным. Некоторые вещи мне неведомы до сих пор — например, технология книгопроизводства. Поэтому сам не преподаю, не знаю, как это делается. Ведь меня никто не учил. Не провожу мастер-классы, так как не могу рисовать, когда на меня смотрят: волнуясь, руки трясутся. Нужно, чтобы никого не было рядом.

культура: Пришлось ли Вам пробиваться в книжной иллюстрации?
Олейников: Говорят, трудно было в советское время — тогда существовал своеобразный закрытый клуб детских художников. Во второй половине 1980-х, когда я начинал, ситуация в корне изменилась. Царила другая крайность — за книжки брались все подряд. В СССР наблюдался дефицит детских изданий, а в перестройку их выпускали тоннами, чуть ли не на газетной бумаге. Моей первой работой

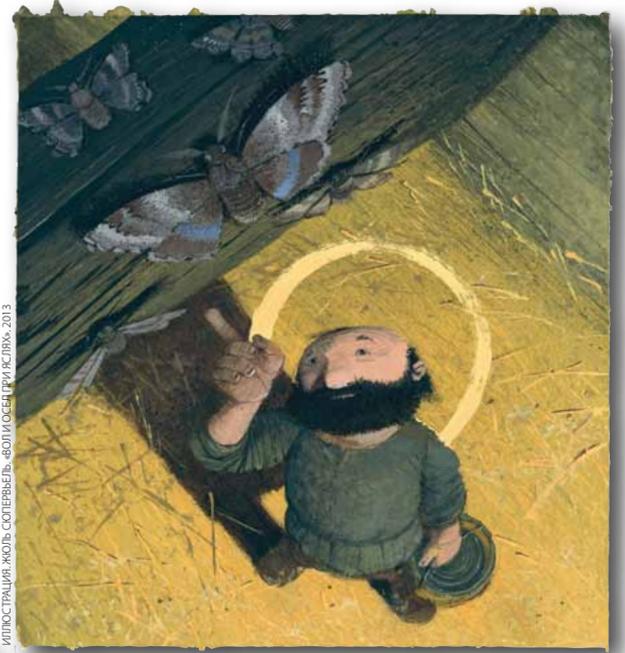

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЖОЛЬ СОПЕРВЬЕЛЬ «ВОЛИ ОСЕНТРИИ» 2013

культура: Трудно было получить золотую медаль?

Олейников: Ничего специально не делал, просто работал. Однажды Совет по детской книге России предложил отправить портфолио. Первый раз оказался неудачным. Во второй — сначала попал в шорт-лист, потом узнал о победе. Не могу сказать, что не верил в подобную возможность, это выглядело бы кокетством. Надежда, конечно, теплилась. Но голос разума твердил: ничего не получишь. Все-таки наших авторов почти никогда не отмечают. Никакой политики — находятся более достойные претенденты. Моя награда — доказательство объективного подхода. Более того, председателем жюри была англичанка. Обнялись, она меня поздравила.

культура: Вы начинали с мультфильмов. Почему ушли в иллюстрацию?

Олейников: Мечтал об анимации со школы. По выходным ездил в кинотеатр «Россия»: в малом зале шли программы мультфильмов, детские и взрослые, выбирал последние — они казались интереснее. Много рисовал, но для себя. На втором курсе — а я учился в Московском институте химического машиностроения — знакомые отвели на «Союзмультфильм», где меня заметил Роман Качанов. Сказал: заканчивай учебу и приходи к нам. После института три года трудился инженером, а потом папа велел собрать рисунки и идти на «Союзмультфильм». Попросился к Качанову, тот как раз набирал группу для работы над «Тайной третьей планеты». Попасть на студию — величайшее счастье: готов был быть хоть дворником. В итоге стал ассистентом художника — рисовал фоны. В середине 1980-х предложили стать художником-постановщиком. Однако в анимации не преуспел: она дала мне многое, я же ей — почти ничего. Это честная оценка. Знаю немало художников, сделавших по настоящему выдающиеся фильмы.

культура: Параллельно занимались иллюстрациями?

Олейников: Да, с 1986 года. Днем работал на студии, вечером дома, садился за иллюстрации. Постепенно решил целиком посвятить себя сотрудничеству с издательствами. В анимации произошло несколько неприятных инцидентов: ряд проектов закрыли после того, как была проделана большая подготовительная работа. Последний подобный инцидент случился в 2008 году, во время кризиса. А ведь мы выложились: придумали персонажей, раскадровку... В общем, надоело. Тылы были подготовлены, ушел из анимации и ни секунды не пожалел. Возвращался несколько раз, но лишь на время. В иллю-

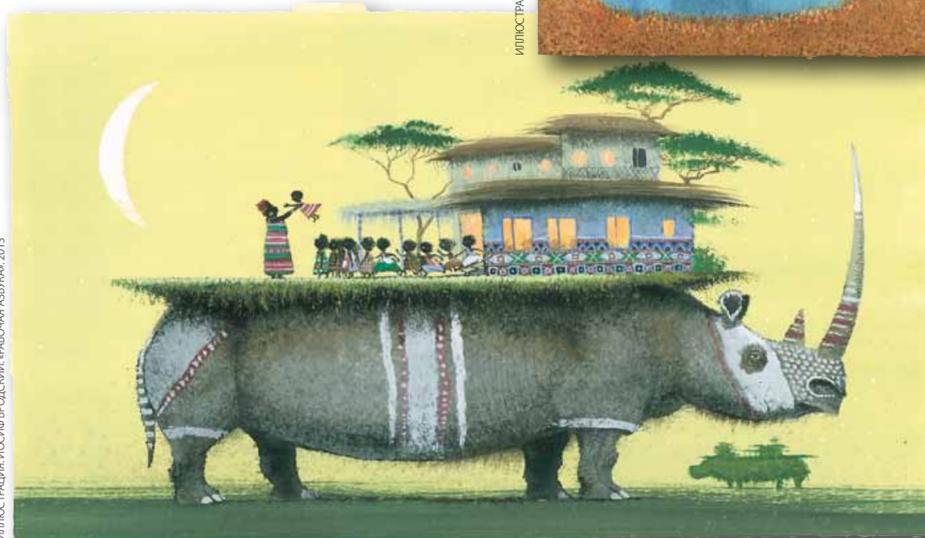

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ИОСИФ БРОДСКИЙ «РАБОЧАЯ АЗБУКА» 2013

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ИОСИФ БРОДСКИЙ «КТО ОТКРЫЛ АМЕРИКУ?» 2013

страции ты сам себе хозяин. Конечно, в некоторой степени зависишь, например, от верстальщиков и дизайнеров.
культура: Чем создание иллюстраций отличается от работы над мультфильмами?
Олейников: В анимации главное — персонаж. Все детали его облика, поведения должны быть прописаны в хорошем сценарии. Скажем, вы решили нарисовать короткие ручки. А там указано, что герой чешет затылок — как это сделать короткими руками? Что касается книг, сначала по инерции тщательно продумывал персонажей. Потом понял: куда важнее — композиция, общая атмосфера. Было время, предлагали придумать героев и подготовить эскизы, остальное, мол, сами. А как я

могу отвечать за подобный результат? Надо либо контролировать с первой до последней секунды, либо вообще не браться.

культура: Сколько времени занимает оформление книги?

Олейников: Я долго придумываю, а рисую быстро. Но за этой быстротой — десятилетия работы. Знаю людей, которые могут месяцами сидеть над одной картинкой. Это особый темперамент, склад характера. Я так не могу.
культура: Вы из творческой семьи — мама была художником по коврам. Она поощряла Ваши увлечения?

Олейников: Конечно. Мама окончила Текстильный институт, работала на Люберецком ковровом комбинате, создавала орнаменты. В Кремле

ботал на автомате, каждая картинка была описана от и до.

Потом перешел к художественной литературе. Иллюстрировал «Разные разности» Бориса Заходера, ездил к нему на дачу утверждать картинки. Ему очень понравилась одна работа. Он даже подписал книжку, а я по инерции подарил ее вместе с другими, о чем теперь очень жалею. Интересно сотрудничать с Андреем Усачевым: у него роскошные стихотворные тексты. В последнее время стараюсь брать старые произведения и придавать им новое звучание. Мне нравится разрушать стандарты иллюстрирования. Хочется, чтобы человек задумался над книгой. Недавно беседовал с замечательной девочкой, ученицей, кажется, шестого класса. На мои реплики она отвечала: «Я все поняла», «Я увидела», «Я обратила внимание». Если один из сотни так же все поймет, то работа проделана не зря.

культура: В чем особенность детской иллюстрации?

Олейников: Когда работаешь для взрослых, можно изображать многое — кровь, жестокие вещи. Какие книги оформлял? Например, «Войну миров» Уэллса, «Книгу Иисуса Навина», «Короля Артура и рыцарей круглого стола». Мне нравится искать смысл между строк. Вообще всегда рисовал для себя. Никогда не задумывался, поймет ли это ребенок, будет ли книга продаваться. Конечно, у обложки есть определенные законы — необходимо красочное пятно, которое видно издали. Но, на мой вкус, идеальный вариант — белая обложка с названием: сразу бросается в глаза. К сожалению, издатели на такое не пойду.

культура: В одном интервью Вы упомянули, что не любите рисовать принцев. Почему?

Олейников: Просто не умею их изображать. Знакомый режиссер однажды пошутил: вместо красивых женщин у тебя получаются либо шалохи, либо солдаты. В итоге всеми силами избегаю книг с принцессами.

культура: Правда, что Вы много рисуете для иностранной аудитории?

Олейников: С 2001-го по 2008-й сотрудничал с агентством «Пиарт». Идея носилась в воздухе: собрать наших художников и помочь им выстроить контакты с зарубежными издательства-

ми. В основном работали на Восток: Китай, Тайвань, Корея.

культура: Что происходит с российской иллюстрацией?

Олейников: Долгое время не следил за тенденциями. Сейчас пришло много молодежи, уже, к счастью, не ориентирующейся на советский стиль. Та социалистическая манера узнавалась мгновенно. В СССР доступа к иностранной литературе не было, художники работали, как их учили, — в итоге все повторяли друг друга. Существовали, конечно, выдающиеся мастера — например, гений Геннадий Калининский. Но в целом рисование нынешних молодых гораздо разнообразнее: молодые люди открыты миру, а мир открыт им. Традиционное рисование, которым я занимаюсь, встречается все реже.

культура: Молодежь приходит в иллюстрацию, но остается ли?

Олейников: В нашем деле выжить сложно. Гонорары маленькие. Времени на одну книгу уходит много. Во всем мире иллюстраторы редко живут на гонорары. Многие где-то преподают, например, и параллельно делают книги. Лишь единицы могут жить на гонорары.

культура: Что станет с бумажными изданиями?

Олейников: Они никогда не умрут. Помните, сколько их хоронили, когда появились планшет, электронные книги, и что? То же самое было с театром. Возможно, «бумага» станет артефактом, превратится в настоящее искусство. Я сейчас работаю с издательствами «Вита Нова» и «Арбор». Они выпускают очень дорогие высококачественные книги. На мой взгляд, государству стоит давать гранты издательствам, чтобы те могли выпустить два, три наименования в год не для продажи, а как арт-проект. Тогда наши издатели смогут на ярмарках в Болонье, во Франкфурте показать, на что они способны.

культура: Расскажите о творческих планах.

Олейников: Оформляю детскую книжку для тайваньского издательства. Потом возьмусь за произведения нидерландского писателя Тоона Телленгена. У него очень необычные короткие истории из жизни животных, наполненные философским смыслом.

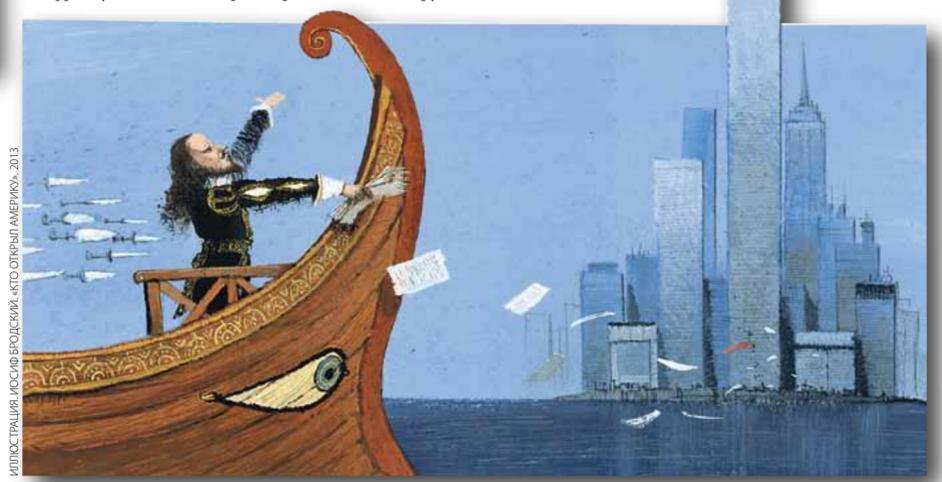

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ИОСИФ БРОДСКИЙ «КТО ОТКРЫЛ АМЕРИКУ?» 2013

Сдачи не надо

Владимир ХОМЯКОВ

НАСТУПАЕТ время ясности. Тянувшийся более месяца фарс с бездоказательными обвинениями России в использовании боевых отравляющих веществ для покушения на экс-шпиона Скрипаля и его дочери, как и предполагалось, был нужен Западу ради подготовки общественного мнения к постановочной химической атаке в Сирии. Она должна послужить «casus belli» для прямого вмешательства стран НАТО по югославскому сценарию.

И неважно, что об этой провокации российский Генштаб предупреждал за пару недель, попутно ликвидировав один за другим на территории Восточной Гуты центры по производству боеприпасов, принадлежащие проамериканским террористам. Теперь это не имеет значения: русские в общественном сознании прочно ассоциируются с химическим оружием и всеми, кто его применяет. А значит, являются голливудским «абсолютным злом», в борьбе с которым все средства хороши.

В итоге сложилась ситуация, чреватая началом боевых действий между Россией и НАТО. Да, наша страна официально заявила, что «вбомбить в каменный век» еще и Сирию она не позволит. Поэтому оптимальным для США и их союзников остается вариант, при котором русские бы вообще не вмешивались и нейтрально постояли в стороне, позволив Западу устроить интервенцию в суверенную страну, как это уже было, когда под столь же надуманным предлогом уничтожали Югославию и Ливию. Лучший способ — создать нам серьезные проблемы, а затем торговаться. Уже запущен новый виток санкций, ударивший не только по ряду российских олигархов, но и по их компаниям, а значит, и по стране в целом. Еще одна беда на подходе: неуго-

монный Порошенко грозит в мае открыть «второй фронт» против России на Донбассе. А на днях израильские самолеты нанесли ничем не спровоцированный удар по объектам в Сирии — с явной целью проверить, как отреагирует наша ПВО. На военном языке это называется «разведка боем».

Ситуация сложная, не надо иллюзий. Война, даже потенциально возможная, — что ж хорошего? Хуже — только плохой мир. Тот самый, который мы получим, если послушаемся всех, кто призывает сейчас сдаться. Так постепенно, шаг за шагом дойдем до «поаной и безоговорочной капитуляции». Важно понимать: все происходящее — битва не России и США, и даже не Русского мира и Запада. Это очередной виток многовекового противостояния — двух культур, мировоззрений, понимания добра и зла, допустимого и недопустимого. Все же прочее — лишь следствие.

Поэтому отнесемся к ситуации взвешенно: раз с проблемой как таковой ничего не поделаешь, то, значит, пора учиться с ней жить. Это ощущение сродни инстинкту дрессировщика, который ежедневно выходит на арену с тиграми, но при этом ни на секунду не теряет концентрации.

В таком отношении к реальности нет для России ничего необычного — с ним жили многие поколения наших предков. Оно — часть отечественной культуры, пусть сегодня и несколько забытая после полувека «взаимного ядерного сдерживания», казалось бы, гарантирующего вечный мир.

Автор — сопредседатель движения «Народный Собор»

Что же касается призывов «сдаться» (то есть «договориться»), то ответом на них может стать хороший пример из истории. В течение почти 250 лет после Батыева погрома мы фактически входили в состав «улуса Джучи» — части тогдашней «супердержавы №1». И не сказать, чтобы было это совсем плохо. На нас никто не нападал извне. Церковь жила под ханским покровительством и налогов не платила. Да и оговоренная «Ясой» Чингисхана 10-процентная дань была не столь обременительна.

Казалось бы, вот оно, мирное и покойное существование под владычеством мощнейшего государства своего времени, мечта любого отечественного либерала. Но наши предки придавали слову «иго» исключительно негативный смысл и мечтали от него избавиться. Потому что как жить, с кем воевать или мириться, кому править и сколько своего отдать, решалось не ими, а ордынскими ханами, при малейшем неповиновении готовыми прислать карательную экспедицию. И это отсутствие воли (а именно так у нас поминалась «свобода») было столь невыносимо и унижительно, что в итоге Русь не только освободилась, но и оставила от великого «улуса Джучи» одни воспоминания.

А могли бы жить... Нет, не могли бы. В воздухе сегодня пахнет войной, Дональд Трамп строчит в твиттер, не переставая, Тереза Мэй грозит подлодками, но с точки зрения вечности важно не это. Не таких видали, да и поздно уже нас пугать. Россия — единственное, что имеет значение, и, возможно, трудные времена нужны нам именно для того, чтобы мы поняли это со всей отчетливостью. Никто не знает, будет ли завтра война (очень хочется верить, что нет), но сдаваться заранее — от этого увольте.

Преодолевающая хама

Платон БЕСЕДИН

ЕЩЕ не отзвучали в российских сердцах слова Алексея Серебрякова о наших национальных чертах, как высказался и другой актер — Данила Козловский. Его оскорбили высказывания, посвященные трейлеру нового фильма «Тренер», режиссером которого он выступил. Козловский резко выразился о критиках — и понеслась! Теперь самые рьяные ругают его и клеймят как предателя Родины и русофоба. Но давайте разбираться.

Между словами Козловского и Серебрякова есть разница. Последний размышлял о национальных чертах, сводя все к тому, что русские так живут, потому что иначе не могут. Сам актер хорошо себя чувствует за границей и периодически изрекает оттуда что-нибудь русофобское. Козловский же высказался главным образом об интернет-хамах и троллях. Цитирую: «Такого количества ненависти я вообще не ожидал. Я показывал ролик в Европе, в «Челси», в Лондоне, в Ирландии, в Штатах. Там все окружает глаза: «Мать твою! Это кто сделал? Наши?» — «Нет, наши, русские». А в России сплошная ненависть и хамство. Пишут столько гадостей, что порой теряешься. Думаешь: «Ну что у вас за жизнь? Такая... что в вас столько злобы?»

Конечно, человеку публичному стоит более взвешенно и избирательно подходить к выбору слов — поменьше обобщений (в духе «а в России сплошная ненависть и хамство») и побольше конкретики. Тем более, что Козловского стало слишком много, а этого у нас, как правило, не любят. Однако тем спокойнее должен относиться он сам к реакции на фильм. Как говорил Конфуций, «ест слово, руководствуясь которым можно прожить жизнь, — это снисходительность».

Что же касается апелляции к мнению иностранцев, то любое произведение в первую очередь должно учитывать национальную идентичность. И — по возможности — ее задавать. Европейцы и американцы говорят: «Мы многому учились у вас». Достаточно назвать имена Станиславского, Эйзенштейна, Чехова. Не стоит бездумно уподобляться чужому. Нужно не только учитывать мировые тренды, но и формировать их. Россия способна дать миру нового Достоевского и Толстого — создавать что-то

уникальное, а сделать это можно только при естественном отборе, поиске своего пути и продуманной культурной политике, которую, как и образ будущего, необходимо выработать годами.

Что же касается реакции зрителей, то жизнь у многих и впрямь не сахар, здесь Козловский прав. Может ли это быть оправданием для критиков? Вряд ли. Зачастую для людей оставить злые комментарии о публичных личностях — что-то вроде психотерапии. Попробуем, может быть, и мы.

Но это не отменяет элементарных норм приличия. Да, любой деятель искусства должен быть готов к критике, но и зрители не должны переходить за черту. А у нас стало слишком много хамства. Интернет давно превратился в свиную яму. Тролли, хейтеры — кого там только нет. Но и в обычной жизни бескультурья стало недопустимо много.

А главное — нет уважения к ближнему, которое надо воспитывать. Важно, если угодно, видеть в человеке рядом именно человека, а не манекен напоذобие тех, для битвы, что ставят в японских офисах для снятия стресса (бей, плой, хамаи — расслабляйся). Тренировка терпимости — фунда-

ментальная задача нового российского общества.

Как этого добиться? Важна культурная политика, благотворное действие кино, музыки, книг. Не только развлекать надо, но и учить, воспитывать, задавать образ будущего и модель отношения к человеку. Будет это — станет меньше хамства. Не будет — и поток оскорблений усилится. И на самом деле это задача как актеров и режиссеров, так и самих зрителей. Тут все — на одной стороне.

Сейчас мы все больше говорим о поиске идентичности, стараемся дать ответ на старый вопрос: «Так в чем сила, брат?» А сила России — во-первых, в людях, а во-вторых, в культуре. Мы понимаем друг друга — независимо от того, кто мы по крови, — по единым культурным кодам.

Слова Данилы Козловского и споры о них позволили нам вспомнить об этом. России стоит исключить себя, и страшнее врагов внешних сегодня — внутренний раздор, изжить который можно через становление нового человека. Того, кто способен видеть не только себя, но и другого, переходя от любви к ближнему к любви к Родине. Так часто отмечаемые в последнее время хамство, агрессия, неуважение — признаки не только бескультурья, но и общественного разлада.

Если кажется, что культуре сегодня не над чем работать, то вот — огромное поле для творчества.

В прокат выходит фильм Данилы Козловского «Тренер». Зрители резко раскритиковали трейлер картины. Козловский оскорбленно заявил, что «такого количества ненависти не ожидал». Как Вы относитесь к тому, что отечественные деятели культуры все чаще жалуются на своих зрителей? Результаты голосования на сайте газеты «Культура»

Обижаться на публику — последнее дело. Актерам и режиссерам пора научиться спокойно воспринимать любые оценки **52%**

Козловский и его коллеги абсолютно правы: в нашем обществе утрачены элементарные нормы приличия. По любому поводу крик, ругань, хамство **16%**

Меня эти скандалы не удивляют: в стране отсутствует продуманная культурная политика. Пропать между творцами и народом только ширится **32%**

Автор — публицист

Беднякам здесь не место

Егор ХОЛМОГОРОВ

ДЛЯ триумфального тона, прозвучавшего в отчете Дмитрия Медведева о шести годах работы его правительства, есть веские основания. Ни одна из современных экономик не сталкивалась в последние десятилетия со столь масштабными и грозными вызовами. И ни одна не шла через шторм настолько успешно. Мы воплотили в жизнь большие проекты — новый космодром, Крымский мост, олимпийская стройка... Важно, что изменился сам принцип экономического роста. Сегодня Россия не только продает углеводороды, но многое делает руками и головой, экспортирует продукты своего труда.

Не слишком удивляет, когда мы читаем об успехах нашей обороны на внешнем рынке. Гораздо интереснее было узнать, что за 2017 год почти на 20 процентов вырос автопром. Другое дело, что речь идет прежде всего об успехах по сборке иностранных марок, а не об отечественных инженерных и дизайнерских решениях, но для экономики в узком смысле это значения не имеет: рабочие места и зарплаты есть, экспорт приносит стране прибыль, внутренний рынок развивается. Настоящим ренессансом может похвастаться сельское хозяйство. Где сегодня те, кто предрекал ему бесславную гибель?

Сегодняшняя Россия все меньше напоминает «страну-бензоколонку», над которой на Западе было принято издеваться, уверяя, что мы не протянем под санкциями и пару месяцев.

Одна из ключевых проблем, встающая перед будущим правительством, — рост рождаемости: в репродуктивный возраст вошли самые малочисленные поколения 1990-х.

Второй вызов — серьезнее. Пока нет никаких оснований считать, что грядущая волна американских санкций нас потопит. Однако мы утробим себя сами, если перестанем развиваться или если нас пригнет к земле нищета, которая

остается бичом России. И это при том, что во многом такая бедность — искусственная, ведь если посмотреть на рейтинг стран по ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности, то мы почти богачи. 28 тысяч долларов в год на человека. Мы обеспеченнее греков, турок, латышей, не говоря уж о едва сводящих концы с концами индийцах, нищенствующих индийцах и сплывшейся на африканский уровень Украине. Но это «средняя температура по больнице». Высочайший уровень неравенства приводит к тому, что на кучку богатей, имена которых мы узнаем, когда их включают в санкционные списки, страна имеет 20 миллионов граждан, которые даже нашей официальной статистики считают бедняками.

Как сделать бедных чуть обеспеченнее? Традиционно есть несколько путей. Первый — повышение налогов, введение прогрессивной шкалы, чтобы богатые платили за всех. Однако глава правительства считает, что такая мера ударит прежде всего по среднему классу, то есть мы не уменьшим, а увеличим количество бедных и налоговых уклонистов. Второе — рост зарплат, повышение минимального размера оплаты труда, необходимость которого признал Медведев. Но он же указал и на то, что далеко не у всех регионов есть деньги, чтобы платить людям больше.

А депутаты отметили, что зачастую майские указы президента о повышении зарплат бюджетникам «выполняются» только за счет уменьшения числа работников.

Необходимо понимать, что главный рецепт борьбы с бедностью лежит не в способах раздела существующего пирога, а в резком увеличении его размеров.

Автор — публицист

Нам нужна значительно более богатая экономика, тогда и бедность, по крайней мере в нынешнем вопиющем смысле, исчезнет.

И вот здесь — главное задание правительства на будущее. Слишком долго Россия находилась в плену рыночного фундаментализма. Мы не развивали производство, не вкладывали в создание новых отраслей, считая, что «рынок все сделает сам». Лишь поздно и в режиме контрсанкций мы перешли к протекционистской поддержке производителей и сами до сих пор удивляемся получившемуся блестящему результату. И власть, и крупнейшие бизнесмены полагались на «интеграцию в мировую экономику», не допуская мысли, что одним росячком пера в Овальном кабинете можно превратить состояния богатейших людей России в ничто. И в результате добровольно стали заложниками чужих доктрин в ущерб своей экономике и своему народу.

Именно мы должны были бы первыми начать экономическую деглобализацию и реиндустриализацию, но раньше начали американцы... Разумеется, за наш счет. Мы же до сих пор так и не решили, точно ли нам нужна автономность развития, или же будем продолжать пытаться жить за счет «мирового рынка», с которого нас уже выталкивают взащей, да и все здание этого базара рушится прямо на глазах.

Пора выбираться на волю, пока всех не погребло.

Беднякам в строящемся экономическом миропорядке не место. Ресурсов на плане становится все меньше, а людей все больше, так что вопрос нашего богатства — не прихоть, а проблема выживания. Разбогатеть нам придется, и сделать это на фундаментально новых основаниях. Каких — это хороший повод для серьезной дискуссии.

Их пугают, а им не страшно

Андрей РУДАЛЕВ

ШКОЛЬНИКИ очень расстроили писателя Дмитрия Быкова. С народом ему давно все понятно: безнаденно, не повезло. Но дети?! Как говорится, «лучшие люди города» прививают им в Сети «демократические ценности», да и сам литератор пошел учительствовать, чтобы сеять зерна свободы, а в итоге — никакой благодарности.

Автор романов с горечью поведал о том, как предложил своим ученикам написать короткое сочинение на тему «Если завтра стена» и получил не те ответы, которые он ожидал. Тема понятна: изоляция — зло, — мы же все понимаем. В системе ценностей стандартного отечественного либерала «железный занавес» — ужас-ужас. И ученики должны были безоговорочно принять эту логику, назвав — на выбор — виновных: власть, народ или историю.

Вместо этого подростки честно рассказали о том, как они относятся к перспективе появления нового «железного занавеса». Результаты Быкова «несколько удивили». Наверное, он хотел россыпь «прогрессивных мыслей». Но оказалось, что школьники либо не видят ничего ужасного в этом самом «железном занавесе», либо рассуждают о том, что он полезен, либо утверждают, что изолировать такую страну, как Россия, в XXI веке невозможно. И никакого кликушества: все здраво, сдержанно и разумно. Никто не закричал: «Пора валить!»

«Конечно, жаль, мы снова спрячемся в раковине, но тогда родится жемчужина. Обращение России к самой себе возродит уровень культуры и всего-всего. Я за занавесом выживу, страдать не буду. Мое будущее не должно зависеть от Европы, Америки, Азии», — написала в своем сочинении 15-летняя Ника.

А 14-летний Андрей, например, полагает, что «разговоры про железный занавес довольно смешны». «Для России железный занавес был временем особенного развития науки и культуры. Россия так устроена, что она лучше всего отвечает на вызовы...» — считает 15-летняя Валентина. Так же настроены и другие ученики.

Удар ощущается двояким болезненным, потому что Быков не просто учительствует, но проповедует и пророчествует. Его предсказания хорошо известны. «Эта система, изначально кривая, еще до всякого Октября, могла производить только больные ситуации, в которых правильный выбор отсутствовал», — так он описывает Россию в романе «Июнь».

Там же он утверждает, что здесь «нельзя быть хорошим человеком», ведь «всякий моральный выбор непременно превращал тебя в подлеца». Эпитет — характерный. Соратники Быкова по борьбе любили приводить острый словцом. Вспомним, как несколько лет назад на одном из ток-шоу центрального телеканала пятилетняя девочка спела гимн России и моментально была зачислена пропагандисткой Ксенией Лариной в разряд «уродов». Тогда ведущей либеральной радиостанции стало «стыдно за страну»... «Поле чудес» превращает в уродов даже детей», — комментировала она. Все, что угодно, но только не гимн страны! Быков, конечно, деликатнее, у него — всего лишь подлецы...

Или, как он проповедовал все в том же «Июне», двурушники: «Народ-предатель. Никакой внутренней основы. Он предаст всех».

Приятно видеть, как литератор ошибается.

Ни уродов, ни подлецов, ни предателей. Наши дети, пусть и попавшие почему-то к учителю, их притирающему. И даже в этих условиях сохраняющие достоинство и здоровый смысл, не покупающиеся на дешевые лозунги.

Что рассказать о будущем? Конечно, хочется пободрее воскликнуть, что с таким поколением не пропадем, и слишком много свидетельствует в пользу самых оптимистичных прогнозов. Но дети — это все еще поле битвы: воспитательной, идеологической, эстетической. То, как они сопротивляются сегодня сложностям (скажем, бегство в интернет — что может быть заманчивее), сделает честь любому взрослому, но не стоит бросать их одних. Справятся с Дмитрием Быковым, выплывут — молодцы, а потонут — туда им и дорога. Так нельзя, конечно. Последний год — бум конкурсов, в которых школьники описывают, какой хотят видеть страну: сильную, самодостаточную, свободной. Но, будем честны, моду пока задают другие — или Ольга Бузова (она теперь, кажется, везде), или Быков со товарищи, подавшиеся в «прорывители», прекрасно себя чувствующие и ведающие без остатков о том, как России нужно сдаться.

История, рассказанная литератором, который не так давно восхищался тем, как молодежь ходит на протестные митинги, — повод не только иронично указать Быкову на его несостоятельность как властителя дум. Перед Россией сегодня слишком много проблем, чтобы хватил одного умиления тем, какие у нас отличные школьники. Они-то молодцы. А мы?

Автор — публицист

Шик, блеск, пустота

Николай ИРИН

Первый канал показал 16-серийный фильм «Тот, кто читает мысли», сокращенную адаптацию первого сезона американского сериала «Менталист», появившегося на свет без малого десять лет назад.

Сокращение касается общего количества эпизодов: в «Менталисте» их 23, но те, что были выбраны российским производителем, оригиналу строго соответствуют. Казаюсь бы, о чем тогда говорить: калька и есть калька, зарубежные развлекательные форматы адаптируются на отечественном телевидении сплошь и рядом, не логичнее ли разобратся с первоисточником? Без этого, ясное дело, не обойдемся. Однако внимательное сравнение оригинала с адаптацией оказалось делом интересным, продемонстрировавшим работу механизма смыслообразования как такового. Российские драматурги, наверное, в соответствии с концептуальной идеей продюсеров и постановщика Алексея Мурадова, убрали мелочи, добавляя собственные «реалии». Подумаешь, невинная отсечка бытового характера. Мурадов даже формулирует: «Перед нами стояла сложная задача — с одной стороны, это формат, достаточно популярный за рубежом, и мы должны были ему следовать. С другой — наша история должна отличаться от американской, чтобы нашему зрителю было интересно то, что происходит на экране». В итоге с первых кадров отечественного сериала регулярно ловишь себя на непонимании: какова внутренняя логика персонажей, почему одна глупость налезает на другую несообразность? Потом находишь серию-эквивалент из «Менталиста» и поражаешься связности оригинала. В детстве драматика «повторюшка» была, помнится, из самых обидных. А уж «повторюшка-врушка» — окончательно дискредитировала тебя в глазах дворовой общины.

В Сети большая часть комментариев — комплиментарная по отношению к «Тому, кто читает мысли». Признавая право зрителей на собственное мнение и сопутствующее умиление, буду безжалостно. «Тот, кто читает мысли» — это вопиющий провал, а если точнее, демонтаж умного высказывания. Мы очень страдаем от того, что, хотя убедительные истории все еще случаются, фактически у нас исчезла работа с тонкими вещами. А когда видишь, как дивную и по-хорошему абстрактную исходную притчу превращают в претенциозный детективчик с манерным свещиком-нарциссом, приходишь просто в отчаяние. Оттого, что одни испортили славный глубокий замысел, а другие настолько опростились, что готовы эту деформацию поддерживать и одобрять. «Наш главный герой красивее!» — пишет одна восторженная зрительница. Без комментариев.

Сначала коротко опишем стратегию адаптации — российский сериал «Тот, кто читает мысли». Жил-был импозантный, энергичный и саркастичный Даниил Романов (Ехезкель Лазаров). Это весьма успешный в социальном плане мужчина. У него роскошный особняк, модное авто, элитная одежда, ухоженная жена и трогательный ребенок. Не жизнь, а праздник, и, кажется, по мнению отечественных авторов, это и есть социальная норма. Проблема, а может, и разгадка в том, что Даниил — хитрец: активно участвует в теплом проекте, где притворяется экстрасенсом-парапсихологом, спо-

собным силою одной только мысли проникать в разные уголки пространства и времени. Так по наводке правоохранительных органов Романов включается в поиск серийного маньяка по кличке Демон. В своем обычном виде имитирует ясновидение, позволяя себе вальжное высказывание об этом неуловимом серийном убийце, дескать, «ему тридцать, он уродлив, жалок и одинок». После этого обиженный Демон проникает в особняк Даниила, убивает его дочь, догадываясь жену, с которой в результате тоже расправляется, оставляя на стене кровавую рожицу-смайлик и обидную записочку лжеэкстрасенсу. Основное действие сериала развивается через пять лет после трагического уничтожения семьи Романова. Даниил пошел работать консультантом в следственный отдел, где демонстрирует чудеса проницательности команде из четырех штатных сотрудников во главе с откровенно влюбленной в него начальницей, Екатериной Филаатовой (Анастасия Микульчина). Романов буквально упирается своей крутостью и брутальностью, разгадывая разнообразные преступления если не на раз, то уж на два точно. Хохмит, фонтанирует, купается в успехе и собственной сообразительности. При этом его цель — рано или поздно отыскать Демона и с ним покончить. Романов подолгу и с чувством смотрит на фото утраченных близких, а попутно крутит в мозгу эпизоды из прошлого, предшествующие трагедии. Кончается 16-я серия тем, что Даниилу приходит на почту видеочайл, где зловещая тень Демона скользит по кровати, на которой безмятежно спит пока что безответно влюбленная в консультанта Екатерина. Всего пять минутами ранее уверенно подстреленный брутальным Романовым пособник убийцы предсказал: «Демон придет, придет за тобой!» На первый взгляд, сюжет четко списан с оригинала. Но дьявол, как известно, кроется в деталях. Они-то как раз и озадачивают с первых секунд просмотра. Например, начальный план-кадр: из огромного черного лимузина выбирается молодая женщина в изящном брючном костюме, Екатерина. Потом этот мотив будет назойливо повторяться, наводя на мысль о том, что здесь, вероятно, скрыта реклама. Выглядит это совершенно неуместно. Приглядываемся к оригиналу: естественно, ничего подобного там нет. Никакой «маленькой симпатичной женщины из огромной черной машины». Мелочь? Конечно, да только слишком о многом говорящая. Наши авторы словно заворочены социальной мощью, идеей преуспевания и престижного потребления. В «Менталисте» был свещиком предельно скромным. Дальше — хуже. На втором план-кадре останавливается еще одно роскошное авто, правда, более спортив-

ное. Из него вылезает главный герой в ботинках на босу ногу, что подчеркнуто взглядом камеры, и демонстративно заправляет рубашку на глазах у начальницы. Обращаемся к «Менталисту». Конечно, такого там не встретишь. Оба героя являются нам подтянутыми, бодрыми, внимательными и по-хорошему деловыми. Они сразу — без назойливой и неумной демонстрации богатых авто, исподнего, небрежности или неудовольствия — включаются в расследование.

В моем блокноте за время выборочного сравнительного просмотра скопилось добрая сотня оригинальных «придумок» наших драматургов, которые зачем-то оживляют исходный сюжет мелочами, вызывающими оторопь, если не брезгливость. Положим, директор частной школы в «Менталисте» принуждал спать с ним школьницу. Девочка дает показания: «Это происходило два раза в неделю». Но в нашем варианте случается удивительная метаморфоза: «Каждый день, иногда по два раза». Наши авторы будто обиделись за недостаточное количество тестостерона и сопутствующей похоти у седого хомячка-директора. Исходная история кажется им скучной и пресной.

Персонажи, а в первую очередь менталист Патрик Джейн, нашим совершенно непонятны. Поэтому начинаются наложение грима — толстого слоя из барских ужимок, высокопарных интонаций и мажорских стереотипов. Тотальная деформация центрального образа — выдающееся достижение отечественного творческого коллектива. И если в заглавие сериала вынесено «Тот, кто умеет читать мысли», то для начала нашим авторам хорошо бы научиться считать смыслы.

23-я серия «Менталиста» заканчивается не тенью Демона, но и высоким символом: Патрик Джейн срывает с дерева в саду некоего зажиточного лица яркий плод, апельсин. Тем самым подводит итог всего действия. «Менталист» — не заурядный детектив, а тонко организованная история о том, как человек неосторожно сорвал плод познания добра и зла. Кровавый Джон, превратившийся у наших в Демона, — конечно, проекция вытесненного в глубины подсознания психического зла самого главного героя. В том эпизоде, где у наших подстреленный Даниилом пособник Демона обещает их скорую встречу, американцы делают ровно противоположное: умирающий смеется и, глядя Патрику в ясные очи, как завороченный, твердит: «Кровавый Джон, Кровавый Джон!» То есть никому приходится не нужно. Страшный маньяк уже здесь, внутри самого Патрика. Но у нас пока что нет умения внятно совмещать маскульта с достоверным психологическим анализом.

И, кстати же, выстрелив в человека, чтобы спасти начальницу, Патрик судорожно, с ужасом отбрасывает пистолет, ибо придуман в качестве наблюдателя. Выдающийся, нервный актер Саймон Бейкер его так и подает: человеком, неизменно удивляющимся соотношению зла с добром, подростком в мужском обличье, инфантильным, но по-настоящему любопытным исследователем подлунного мира. Наш Романов стреляет в человека классно, броско, легко, а главное, ничему никогда не удивляется, ибо предельно крут. Даниил — гуру прессы, держатель самой престижной в буржуазной истории потребительской корзины. Все, что нам давно не нравится в постсоветском укладе, воплощено этим самым консультантом, и за эту убедительную откровенность нашим авторам, как говорится, респект.

Итак, детективная составляющая метафорически обозначает в оригинале процесс опознавания зла в лоне безобидной, казалось бы, буржуазной повседневности. Практически все преступления совершены тут «приличными людьми» и словно на пустом месте. Все сюжеты — проекция психической истории самого менталиста. Пять лет назад он был законченным потребителем, торговавшим «волшебством». Характерно, что игнорирующие базовый смысл первоисточника российские авторы беззастенчиво выкидывают из установочной — первой — серии кусочек, где пока что безмятежный Саймон проводит в телестудии сеанс связи доверчивой обывательницы с ее умершим отцом: «... Он улыбается! Это слезы радости! Он говорит: «Да благословит Вас Господь!» Он исчез». Эта суррогатная духовность — необходимая часть индустрии развлечений. Ведь если состоятельному человеку доступны Египет или Гавайи, почему ему должно быть отказано в путешествии по ту сторону земной реальности? А что, простите, в этом плохого? Подарил горящую по отцу женщине пару хороших эмоций. Но психика менталиста идет вразнос, он завирается настолько, что чувствует себя впряме панibrатски похлопать по плечу само Зло, о котором до поры ничего не знает: «Кровавый Джон? Грустная, замученная маленькая душа...» И тогда Зло показывает зарвавшегося потребителя его место, уничтожив близких и закалив Саймона как «алчного мошенника».

Вот же о чем и для чего эта красивая история. Наученный горьким опытом Саймон теперь программно заявляет всем и каждому, что любые спекуляции на тему парапсихологии, а в сущности, «волшебства» — мошенничество. В первой же серии он саркастически одергивает вновь прибывшую молодую сотрудницу, когда та пытается убедить его в реальности заграничного существования на основании одной лишь своей девичьей восторженности: девушка тоже общалась с покойным папой при помощи ясновидящей тетушки. Менталист ведь борется не только и не столько с убийцами, сколько с теми внутренними спекуляциями, которые прорастают во всяком, казалось, добропорядочном человеке: «Ваш отец футбольный тренер, так? Разве он не научил вас, что игра заканчивается с футбольным свистком?» Менталист знает, что Кровавый Джон, этот мистер Зло, появляется всякий раз, едва человек начинает прибегать к безответственным умозаключениям. Где наши мысли, там и мы сами. До смертного часа логичнее, да и праведнее оставаться среди живых. Любопытно, что в отношении экстрасенсорики и парапсихологии наш Даниил двойствен: то утверждает, что все подобные штуки блеф и дело единственно в умении подмечать детали, то внезапно демонстрирует способность реально гипнотизировать.

Когда менталист устраивает агрессивное дознание над телом погибшего подростка, дама-полицейский одергивает: «Как можно, здесь мертвый ребенок!» — «Да, он мертв, — парирует менталист, — и ему поэтому все равно, как я с вами разговариваю». Трезвая постановка вопроса, исподненное достоинства противостояние безосновательной экзальтации. Ничего удивительного: именно этот концептуально важный кусок, наряду с десятками подобных, российскими авторами вымаран. Зато «наши» допояняют давний эпизод выступления Даниила на телевизионном план-кадром человека, который, сидя в неприглядном помещении, наблюдает по телевизору за неадекватным экстрасенсом на Демона. Демон овнешнен: бандит из плоти и крови, а вдобавок «из простых». Грубейшее нарушение правил игры. Тотальное непонимание исходной идеи. Ну и зачем тогда брались адаптировать — чистая коммерция? То, против чего исходный сериал был направлен, в адаптации возоблада-

Выбитый из седла

Алексей КОЛЕНСКИЙ

В кинотеатрах — социальная драма «Турецкое седло», история отставного агента наружного наблюдения. Лишившись работы, герой теряет смысл жизни, но все меняется, когда он встречает любовь. Накануне премьеры «Культура» пообщалась с режиссером ленты Юсупом РАЗЫКОВЫМ.

культура: Врач ставит герою диагноз — «Синдром пустого турецкого седла». Речь о деформации гипофиза. Мистики полагают, что посредством этого мозгового придатка осуществляется контакт с Создателем. Можно ли сказать, что Ильич, сыгранный Валерием Масловым, —

ФОТО ОЛЕГ ДАВЫДОВ

запрограммированный безбожник?

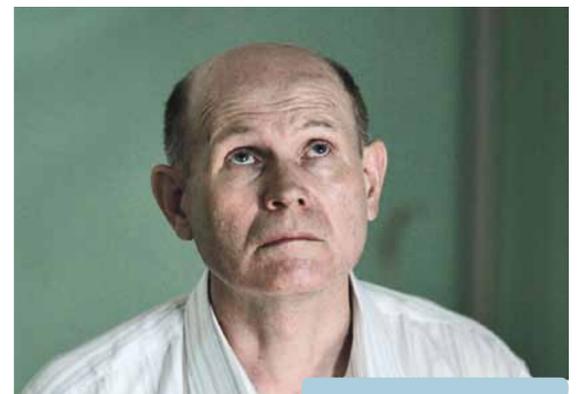
Разыков: Я далек от медицинской трактовки болезни, а духовный аспект оставлю на суд зрителей. Ильич воспитан в той традиции, где не полагалось задумы-

вичу и застегнутому на все пуговицы «Человеку в футляре». У Набокова была прекрасная повесть «Соглядатай» — про покойника, сознание которого продолжает функционировать и сканировать мир. С нашим Ильичом происходит нечто похожее. Изначально лишенный эмпатии, он оказывается не способен реализовать в новых обстоятельствах. К сожалению, так часто бывает. «Синдром пустого турецкого седла» превращает жизнь в заикленое рондо. Страдавший этим расстройством Равель создал «Болеро», а люди попроше, чтобы не пойти в разнос, цепляются за повседневную рутину, изо дня в день проигрывая один и тот же сценарий существования. Даже встретив любовь, Ильич не сумел ей открыться. Эта коллизия — капкан, который я пригот-

товил для зрителей.

культура: Чем особенно гордитесь по итогам работы?

Разыков: Мне удалось преодолеть отсутствие бюджета, снять кино за 11 дней и добиться признания ки-

«Турецкое седло». Россия, 2017
Режиссер: Юсуп Разыков
В ролях: Валерий Маслов, Вероника Кузнецова, Виталий Даушев, Илья Коврижных, Сергей Генкин, Анна Беленькая
18+
В прокате с 12 апреля

новать о Боге и семейном укладе, такие важные слова, как «муж», «брат», «отец», — безусловно, не про него. Он был нужен стране в качестве ищейки, это преданный работе «Верный Руслан». Созданный и отвергнутый государственной машиной Ильич превратился в лишнего человека, а такой человек, безусловно, опасен и для себя, и для окружающих.

культура: Бывшие коллеги пытаются урезонить «топтуна», твердят: «Раньше ты имел власть над объектами», а сейчас — нет, но ты не можешь и не желаешь это признать».

Разыков: Да, преследуя «ведомых», он оставался над законом и почитал высшей свободой эйфорию, сопутствующую этой тайной власти. Но главное в персонаже не это. Ильич — гомункулус, воспитанный на лагерных понятиях, и лексика у него соответствующая — «за молодыми глаз да глаз», «жена ушла, я сам ее проглядел», и походка бесшумная — «такая работа». Это не человек, а схема, составленная из служебных инструкций. Но в его драме есть переломный момент: встретив любовь, герой отказывается от слежки.

культура: В чем секрет удивительного попадания в образ актера Валерия Маслова?

Разыков: Подобно своему персонажу, Валера служил в охране, увлекался боевыми искусствами, вел замкнутый образ жизни, употреблял на завтрак сваренные вкрутую яйца и собирал скорлупу.

культура: Скорлупа, которой герой заполняет трехлитровую банку, несет символическую нагрузку?

Разыков: Да, Ильич не может избавиться от раковины, в которой живет. Это тип, близкий персонажам Гоголя и Чехова — мечтающему о шинели Акакию Акаки-

нравился зрителю. А в этом я вижу цель настоящего искусства. Некоторые дамы даже признавались Володе Маслову, что хотели бы иметь такого мужа, как Ильич.

культура: Ваш фильм во многом — это диагноз социуму, лишнему объединяющим целей. Вас беспокоит состояние общества?

Разыков: Да, больше всего — отсутствие консолидации, мы неизменно расколоты. Понимаете, если все, что нас объединяет, формулируется «от противного», мы нездоровы. Нельзя, чтобы люди спланировались только в ответ на за-предедельную мерзость американско-британских игривок вокруг Родины, дефицит социальной справедливости. Это неприемлемо и очень опасно.

культура: В нулевые годы Вы возглавляли «Узбекфильм». Остались разочарованы этим опытом?

Разыков: Тем, что не смог реализовать все замыслы. Ничего не попишешь — бедная страна, бедная студия и что делать с этим я — честно — не знаю.
культура: Над чем трудитесь?
Разыков: Снимаю две картины. Один проект пока подвис, а «Танец с саблями» продвигается бодро. Арам Хачатурян написал удивительный балет «Гаянэ» партитуру в Перми, в эвакуации, всего за восемь часов. Но наш фильм — не попытка прочитать биографию великого композитора, а рассказ о сочинении самого востребованного в мире музыкального шедевра.

Потехи ради

Александр МАТУСЕВИЧ

Отметивший не так давно полувек юбилей Детский музыкальный театр имени Наталии Сац не снижает темпа: здесь регулярно проходят премьеры на всех трех сценах, а иногда, как это было с оперой Владимира Мартынова «Упражнения и танцы Гвидо», даже в закулисье. Новая работа — мировая премьера потешной оперы Владимира Кобкина «Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей».

Двухактное произведение по сказке Мамина-Сибиряка (либретто Аркадия Застырица), безусловно, понравится и детям, и их родителям. Для первых оно напоено юмором, нехитрыми чудесами, фантазийными персонажами, в которых угадываются и черты героев русских сказок, и мультяшные персонажи, знакомые каждому современному малышу. Вторые оценят юмор на грани гротеска, издевку и даже злой сарказм, равно как и мастерский текст Застырица и свежесть музыкальных решений Кобкина.

Легендарный царь Горох (Борис Шербаков) мирно правит со своей супругой царицей Луковкой (Ольга Толконникова). Любит балагурить и веселиться, устраивать шуточные потасовки со своим шурином-соседом — царем Пантеем (Александр Хананин). Привычное течение вещей нарушается сватовством к старшей царевне Кутафье австрийского (Антон Варенцов) и испанского (Андрей Панкратов) принцев, а также русского короля (Константин Самойлов). Но женихи ей не мила.

Полюбился ей король Косарь (он и Кутафья — персонажи без реплик, изображают их ростовые куклы, выполненные буафором театра Дарьей Барковой), но строгий отец ни в какую не хочет выдавать за него дочку. Чтобы получить Кутафью, Косарь начинает — ни больше, ни меньше — осаду

царской столицы. Горох и Луковка спасаются бегством, а царевна выходит замуж за непорочного поклонника. Вернувшись в столицу, Гороху ничего не остается, как принять неугодного зятя. Параллельно с историей Кутафьи в опере рассказывается еще и о судьбе младшей дочери Гороха — Горошинке, которую в раннем детстве похитили злые вороны. Родители долго ничего не ведали про потерянную царевну. Став взрослой, девушка появилась при дворе под именем Босоножки. Не признали ее царь с царицей — отправили гусей пасти. Тут-то и нашла Горошинка свое счастье: влюбился в нее красавец-охотник Красик (Константин Ивин) и решил просить руки незнакомой царевны. Горох дочку, конечно, сразу вспомнил и устроил вторую свадьбу.

Фольклорные мотивы из разных русских сказок, сдобренные

яркой. Острота и контрастность музыкального языка, постоянное переключение в темпах, характеристика, стилих и жанрах народной музыки дает впечатляющий по богатству калейдоскоп впечатлений, который держит внимание зрителей-слушателей все два часа оперного спектакля. В поддержку музыкальному повествованию два рассказчика — Шут (Артем Семиган) и Шутиха (Зарина Самадова), помогающие публике разобраться в хитросплетениях сюжета и не потерять интереса к самой фабуле.

Постановку осуществила молодая команда — режиссер Наталья Ефимова, сценограф Денис Сазонов, музыкальный руководитель Сергей Михеев. Вслед за композитором и либреттистом они решили устроить в открытом пространстве Малой сцены своего рода уличный театр: грубоватый, курьезный — словом, потешный.

ФОТО: ЕЛЕНА ПАЛИНИНА

незлым, но порой весьма прямолинейным юмором, составляют основу либретто. Композитор Кобкин отзывается на такой посыл самым естественным образом: его музыка построена на русском народном мелосе — песенном и танцевальном. Традиции Римского-Корсакова и Стравинского ощутимо слышны в этом подходе, однако прямых цитат нет. Стилизация под народное творчество, под музыкальный лубок выходит у Кобкина блистательно — живой, непринужденной, динамичной,

Здесь нашлось место и шуточным боям, и народным выступлениям, и веселым пирушкам с плясками. Комичные костюмы, легкие, мобильные декорации-трансформеры, изображающие то дворец Гороха, то березовую рощу, дополняли радостную атмосферу светлой оперы-шутки. Музыкальный темпоритм спектакля оказался упругим и изрядно передающим характер кобкинской юморески, в чем безусловная заслуга маэстро Михеева и слаженного ансамбля певцов.

Бессмертные тоже плачут

Алексей КОЛЕНСКИЙ

«Позволь украсить утро прощания обещанными цветами» (именно так переводится с японского поэтический заголовок ленты) адресована всем поклонникам романтического аниме в духе Макото Синкая, высоко оценившего режиссерский дебют сценаристки Мари Окады. Но если в «Твоем имени» Синкай исследовал мир душ, разыскивающих свои половинки и обретающих вечную жизнь через воссоединение с ними, то «Королева драмы» Окада заглянула в мир вечно юных дев, лишенных подобного шанса.

«Украсть прощальное утро цветами обещания». Япония, 2018. Режиссеры: Мари Окада и Тосия Синохара. 12+. В прокате с 19 апреля

Высоко в горах, среди цветущих лугов и хрустальных водопадов, жил-поживал древний народ иольфов — ткачих, сплетавших из минут и дней вечное полотно жизни. Наставники племени строго запрещали мастерицам общаться с людьми — печальная участь смертных обременяла сердца и душно сказывалась на работе. Однажды замок атаковали прилетевшие на драконах воины. Захватчики пленили принцессу Лейлу и перебили ее слуг, уцелели считанные единички, в их числе — самая младшая в роду, красавица Макия. Летучий ищер доставил предводительницу иольфов в королевский дворец, а ее воспитаннице не повезло. Огнедышащая тварь поразил внезапный недуг: рухнув в чаше, чудиде испустило дух. Блауждая по дремучему лесу, жертва «авиакатастрофы» набрела на ветхую хижину и нашла в ней мертвую нищенку, прижимавшую к окоченевшей груди рыдающего младенца. Решившись нарушить запрет, девушка взяла на себя заботу о мальчонке, которого звали Ариэлем. Беглян-

ка устроилась в харчевню официанткой и зажила незаметной жизнью близ замка, где томилась Лейла, выданная замуж за принца и родившая ему наследницу престола.

Бежали годы, малыш подрастал, не ведая, что за печаль точит сердце женщины, почитаемой им за маму. Однажды Макия пришлось открыть свою тайну. Ариэль отделился от нее и вскоре обзавелся собственной семьей. Погоревав над людской неблагодарностью, Макия и Лейла оседали дракона и скрылись в лазурной дали.

Простушка Макия превращает свою жизнь в гимн безответной любви. Особенно не повезло мужчинам, назначенным на роли неуклюжих, грубых и безликих статистов — вечных подrostков, бездумно разрушающих чудные женские миры. Неувядающие красавицы, напротив, прекрасны во всех отношениях.

Однако в картине есть нечто, не позволяющее позубоскалить над регрессивным (в психоаналитическом смысле) откровением Окады. Мари подкупает скрупулезной работой с категориями времени, запечатленного ею в калейдоскопе изысканных образов и рифм. То она распыляет мгновения в вальсе окутывающих избушку Макии снежинок, то испытывает поле возвращает небу земной долг — ввысь взмывает танцующее облако посевших одуванчиков. Подобных художественных находок тут не счесть, и темпоритмический рисунок ленты не уступает богатством оборотов образному ряду, навеянному сказками Хаяо Миядзаки. Кажется, будто колесишь по бесконечно убаюкивающему кругу... Видны из окошек манят раствориться в очаровательных пейзажах, а неудачный маршрут, заиклившийся на молодухах, которые тоже плачут, вызывает лишь легкую досаду.

С «Минус 16» на «Бал»

«Минус 16»

Елена ФЕДОРЕНКО

В премьерном одноактном балете Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко соединились верность традициям и дерзкое освоение неведомых территорий.

Программу, составленную из «Призрачного бала» Дмитрия Брянцева и двух российских премьер — «Одинокого Джорджа» Марко Геке и «Минус 16» Охада Нахарина, задумал худрук балета Лоран Илер. Как тонкий дипломат, он отдал дань уважения к истории труппы: премьера первого в доме на Большой Дмитровке в 1995 году произвела фурор. В других одноактниках — несходные стили и неведомые стилистические языки. Здесь французский вожак выступил в роли мудрого воспитателя и просветителя, уже привычно направляя труппу на обретение нового опыта. Артисты откликнулись с азартом и куражом, сделали незнакомую хореографию своей, танцевали без намеков на компромиссы, бесстрашно и свободно. Вечер сложился в панораму жизни, где сходятся беспомощная тоска и сумасшедшая радость.

«Призрачный бал» — спектакль грустный, меланхоличный. Пять пар танцуют при свечах под музыку Фредерика Шопена. Оркестр, ведомый маэстро Феликсом Коробовым, и рояль Анны Малышевой звучат чувственно и артистически деликатно. Ветер в таинственном зале колышет тюлевые занавески. Не хватает камня и задремавшей рядом барышни, в чьем воображении, возможно, и оживают романтические образы. Такую версию излагал сам Дмитрий Брянцев, потом у него возникли и иные объяснения — будто бы дамы и кавалеры сошли со старинных полотен. Мысли скользят, меня направления. Прочитывается тем не менее единая ассоциация: «Бал» — мечты об ушедшем и прекрасном прошлом. Вообще-то, автор был жизнелюбом и оптимистом, два десятилетия твердо руководил балетом Музыкального театра, ценил юмор и чувствовал природу танцевального гротеска. Предпочитал фабульные спектакли в любых форматах, ставил полнометражные оперы и миниатюры. При этом не типичный для хореографа бессюжетный «Призрачный бал» сегодня ничуть не устарел.

В полутьме не рассмотреть лиц танцовщиц, сплетающих кружева вальсов, полонезов, мазурок. Они похожи на эфемерные видения. Сумрак рассеивается, ансамбль исчезает, и на сцене поочередно возникают дуэты. Каждая пара ведаёт о своем, печально напоминает о том, что далеко, что — только в памяти. Чувства для исполнителей оказываются сложнее движений, освоенных почти безупречно. Наивна и воздушна Ксения Шевцова и ее партнер Георгий Смилевский. Острое воанение объединяет Оксану Кардаш и Ивана Михалева в страстном диалоге. Необыкновенно поэтичны Наталия Сомова, отрешенная Эрика Микиричева и нежная Валерия Муханова, воскрешающие чуть старомодные миражи изысканного брянцевского шедевра. Сравнения «Бала» с «Шопенианой» Михаила Фокина начала прошлого столетия, конечно, не случайны.

«Одинокий Джордж», поставленный Марко Геке менее трех лет назад, — тоже несладкий спектакль. Хитрец Геке направил нашу мысль по лукавому пути: Джордж — черепаха, последний представитель редкого вида, прожил век и умер на далеких островах Эквадора. Сто лет одиночества. Что такое быть последним и одиноким — волнует хореографа. Но, конечно, его переживания связаны отнюдь не с миром рептилий. Балет — о внутреннем сиротстве, что делает человека уязвимым и беззащитным.

В пластике — экстаз инстинктов и мускульная энергия. Складывается ощущение, что Геке, словно профессор точных наук, экспериментирует с физическими возможностями тела. Руки, готовые выпастить из суставов, стремительно прорисовывают четкие прямые линии и пунктиры, лезвиями сверкают кисти, дрожат пальцы,

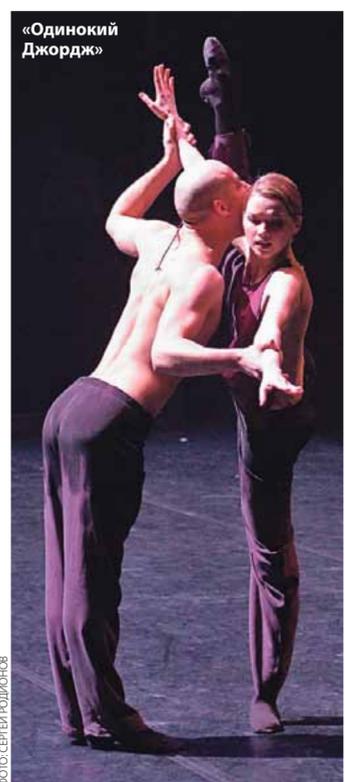

ФОТО: СЕРГЕЙ ПОДКОНОС

сжимаются кулаки. По сцене семят геометрические фигуры с острыми углами локтей. Движения столь энергичны, что, кажется, вот-вот оторвутся тела от земли, но — не взлетят: не дано. Узнаваемый пластический язык хореографа сконцентрирован на работе рук и корпуса — прыжкам, вращениям, арабескам и всяким красивостям на этой палитре нет места. Стая, где каждый из десятка исполнителей получает соло (запомнились Георгий Смилевский, Екатерина Иванова, Евгений Поклитарь, Денис Дмитриев), опасная и злобная в своей замкнутости, не спасает самых отчаянных и бесстрашных. В итоговом монологе Наталия Сомова «пропекает» песню отчуждения — горького и гордого признания о неспособности слиться с окружающим миром. Никого, кто был рядом, теперь нет, все за-

тмевает личной катастрофа, и звучит потрясающий по силе воздействия Восьмой струнный квартет Дмитрия Шостаковича. В музыке — шквал эмоций и настроений, в движениях — судороги и конвульсии.

Для спокойного хореографа-философа Охада Нахарина театр — пересечение зрелища, танца, клипа, дискотеки и гремучего сплава мелодий. Израильянин в спектакле «Минус 16» предлагает радостный способ выживания. На огромном черном пространстве сцены — полукруг стульев, на них сидят актеры, одетые в одинаково черные костюмы. Подпевают ритмичной еврейской пасхальной песне, в бешеном темпе простирают руки, бьют себя в живот, отскакивают от земли, ломают тела, то склоняясь вперед, то откидываясь назад. Энергия движения ураганом обнимает всю цепочку исполнителей. Последний в бесилии падает ниц и вновь вскакивает. Зловещий ритуал повторяется вновь и вновь. Танцоры сбрасывают с себя одежду и швыряют ее к центру сцены: летят шляпы, пиджаки, брюки, ботинки, рубашки. Обнажаться заставляют не внутренние страсти, а некая мистическая сила, похожая на растекающуюся злость. Экстаз агрессии — предвестие тотальной катастрофы. Похожее мы уже видели в отважном танцевальном шоу под названием «Анафаза» в исполнении компании «Батшева», которой Нахарин руководит почти три десятилетия. В «Минус 16» хореограф цитирует фрагменты ранее поставленного. Спектакль начинается из зататка, занимая собой время антракта, когда на сцену выходит златокудрый Максим Севагин и пускается в импровизацию, легко переводя их от стилистики. Зрители не выходят из зала, увлекаясь фирменным танцем под названием «гага», предлагаемым в качестве эпиграфа к маленькому балету. В Москве ассистенты Нахарина по труппе «Батшева» проводили мастер-классы по «гаге», которую ее изобретатель называет «прославляем танца» с его «животной сущностью и взрывной силой». Можно соединить все, что угодно: модерн и акробатику, брейк и первобытные пляски, бую и гимнастику, балет и фламенко. Главное — познание себя через собственное тело. Процесс не терпит отвлекающих маневров и дополнительных атрибутов — зеркала или дополнительных мебели, только — внутреннее импульсы, только — пустое пространство.

В финале, остроумно и жизнеутверждающе, танцовщики сбегают в зал, и каждый выбирает себе партнера из публики. Неведомо, что говорят артисты своим визави в первой медленной части, но «новички» быстро избавляются от зажима и волнений. Студентки, бабушки, толстоватые мужички — все, кто оказывается на сцене, танцуют и отвечают движением на трюки, выделываемые профессионалами. Мощные токи положительных эмоций забирают зрителя, восторженные аплодисменты мешаются с криками: «Мы вам завидуем».

«Да, нас преследуют мечты и одиночество, но главное — все будет хорошо» — таков замечательный вывод вечера. Лоран Илер — еще и отличный психолог, сумевший через грезы о былом и беспросветное сиротство привести публику к безмятежному счастью. А что до исполнителей, то они получили возможность проявить свои умения.

ФОТО: КАРИНА ЖИТКОВА

Римас Туминас: «Отдавая себя зрителю, ты отдаешь себя Небесам»

1 **культура:** Гастроли «Габимы» не просто «визит вежливости»? **Туминас:** Мы часто бываем в Израиле, и нас там всегда очень тепло принимают. Но дело, конечно, не только в этом. Между нашими театрами существует незримая, но прочная связь, имя которой — Евгений Вахтангов. На первый взгляд неожиданно — национальный театр старше своей страны, но, как видите, возможно и такое.

культура: Как случилось, что Вахтангов, у которого была собственная студия, принял под крыло еще и «Габимы»? **Туминас:** Это был любительский коллектив, объединивший людей, которые хотели играть спектакли на иврите. Они ждали вернуть к жизни язык, давным-давно считавшийся мертвым. А создатель студии Наум Цемах мечтал о профессиональном еврейском театре. Он понимал, что студийцам не хватает настоящей театральной школы, и обратился за помощью к Станиславскому. Константин Сергеевич попросил Вахтангова взять на себя художественное руководство труппой, и тот согласился.

культура: Не владея языком, на котором предстояло играть его актерам?

Туминас: Он начал брать уроки иврита, изучал еврейскую культуру и литературу. Но поначалу многим артистам все равно не нравилось, что ими руководит чужак. Пришлось Цемаху придумать целую легенду: мол, Евгений Багратионович — потомок одной из ветвей царского рода Багратиони, восходящего к самому царю Давиду. Легенда оказалась такой живучей, что Вахтангов до сих пор многие считают грузином, хотя его отец был армянином, а мать — русской. Легенда — легендой, а ивритом Вахтангов овладел: к началу репетиций «Габимы» он уже прекрасно понимал, а к концу — мог даже разговаривать.

культура: Для еврейского театра «Габимы» значит примерно то же, что для нашего — «Принцесса Турандот»?

ФОТО: ДМИТРИЙ ПРИБИНСКИЙ

Туминас: Я не стал бы сравнивать. Несомненно одно — ни один другой спектакль Вахтангова не имел такого мирового признания. В конце 20-х годов «Габима» гастролировала с ним едва ли не по всему свету. Постановке была суждена очень долгая жизнь: «Габимы» продержался в репертуаре до начала 60-х, то есть больше сорока лет, дольше, чем было отпущено его создателю.

культура: Максим Горький, побывав на «Габиме», был восхищен актерами, которые играли «с упорством и самозабвением верующих в чудесную силу красивого слова». За сто лет многое изменилось и в театре, и в жизни. Во что сегодня должен верить артист?

Туминас: По-прежнему в Слово. В начале было слово — этого еще никто не отменял. Когда к нам в театр пришел Юрий Любимов и начал репетировать «Бесов», я видел, как актеры постепенно возвращались к тому, что было забыто — точная работа со смыслом, бережное отношение к звучанию слова.

культура: Но слово все больше вытесняется из нашей жизни чередой стремительно сменяющихся друг друга картинок. Как заставить зрителя не только видеть, но и слышать?

Туминас: Это трудно. Актеру надо быть не только исполнителем, но и мыслителем. Если хотите, отчасти философом. Впрочем, и зрителю это не помешает. Вообще всем нам. Беда не в том, что мы выпускаем в себя слишком много информации, а в том, что большая ее часть нам не нужна. Сохранить ясную голову можно только научившись избавляться от словесной шушухи: избегать приблизительности, осторожно обращаться с современной лексикой. Она вносит пыль в нашу жизнь.

культура: А между тем новейшие осаждают нас все сильнее. Заимствованиями из английского мы, не задумываясь, заменяем даже те слова, которые имеют точные русские аналоги.

Туминас: Это мода. Мы хотим чувствовать себя современными и перестаем обращать внимание на то, что и как мы говорим. Считаем, что главное — донести информацию как можно быстрее, а насколько она на самом деле важна и нужна, не думаем.

культура: А ведь и у Вахтанговского театра столетие не за горами.

Туминас: И я уже переживаю. Когда к 90-летию предложили труппе поставить «Пристиань», то сказал, что, если получится не очень хорошо, к столетию придумаю что-нибудь получше. Все замолкли, наступила пауза, и по глазам было видно, что многие думают: так он на десять лет останется?.. Я, конечно, шутил. Мне тогда не верилось, что я буду тут, когда театр исполнит 100. Мне и сейчас не очень верится. Но о том, что будем ставить, уже думаю.

культура: И что же?

Туминас: «Габимы». Сделаем музыкальный спектакль. На постановку приглашаю Евгения Арье из театра «Гешер». Фаустас Латенас уже пишет музыку. Может, мы выпустим «Габимы» чуть раньше, но обязательно

ФОТО: WWW.MIFANG.COM

посвятим Евгению Багратионовичу. Конечно, это будет не единственный спектакль к юбилею. Если получится, представим праздничную неделю премьер. Никаких торжественных вечеров устраивать не будем. Будем играть. А все поздравления — в рабочем порядке. Ведь театр — сам по себе праздник...

культура: И Вы готовы поделиться этим праздником со всем миром — Ваш театр один из самых гастролирующих.

Туминас: Гастроли — отличная встряска для труппы. К своей публике привыкаешь, начинаешь прудугадывать ее реакции — тут заплачут, тут засмеются. Возникает соблазн снова и снова пользоваться уже найденным. Помню, как когда-то Маковецкий жаловался, что театр мало ездит. Сейчас кое-кто огорчается, что гастролей слишком много, трудно со съемками совмещать. С удовольствием ездят молодые и... Максимова — самая юная и энергичная. Она умеет распределить себя так, чтобы на все хватало. В мае в рамках программы федеральных гастролей отправимся на Дальний Восток. Если Чехов до Сахалина добрался, то нам стыдно не повторить этот путь. Будем играть так, чтобы зритель ощутил себя сотворцом спектакля, почувствовал — он не забыт, он нужен, его любят. Мы много ездим по провинции, и я каждый раз вижу, как после наших представлений в глазах зрителей снова возникает ответ веры и надежды. Лермонтов считал, что «счастье только там, где любят нас, где верят нам». Мне кажется, он не во всем прав. Для меня счастье — это

когда я люблю сам. Вот почему мне так хочется, чтобы куда бы мы ни приезжали, актеры влюблялись в публику. Отдавая себя зрителю, ты отдаешь себя Богу. Небесам. Если только ты говоришь с ним о вечном.

культура: А о злбодневном, получаешь, говорить не стоит?

Туминас: Для этого не обязательно идти в театр. Есть телевизор, пресса, интернет. На сцене ничего современного быть не может. Допустим, некое событие произвело впечатление на драматурга. Пройдет какое-то время, прежде чем у него созреет замысел пьесы, и еще какое-то, пока он ее напишет. Где гарантия, что сразу найдется труппа, которая ее поставит? Нет гарантии. А время идет. Наконец текст приняли. Начали репетировать. Вот сыграли премьеру. Спектакль идет сезон, два, три. Насколько он остается современным? Вот тут мы и приходим к тому, что театр современен не тем, что ставит, а тем, как он это делает.

культура: Что Вы в очередной раз и доказали, представив в Большом театре «Пиковую даму». Повести Пушкина без малого 200 лет, опере Чайковского почти 130. Ваш спектакль получился и современным, и вневременным. Потому что он про неизбежность человеческого одиночества?

Туминас: И про это тоже. Кто не испытывал на себе: вокруг люди и даже вроде бы друзья, а ты понимаешь, что никому на самом-то деле не нужен. Но главное все-таки не в этом. Нет, я не про мистику. Никакой мистики, на мой взгляд, в «Пиковой даме» нет. Мы просто прячемся за нее по привычке, не

хочу сказать, что в жизни нет. Повторю любимое шекспировское: «Ад пуст. Все черти здесь». Но не надо списывать на сверхъестественное то, к чему оно не причастно. Герману не три карты были нужны. И даже не богатство само по себе. Он пожелал узнать тайну жизни, понять, существует ли она вообще. Всем остальным это совершенно безразлично. Для них существует только игра, помогающая прожить жизнь. Герман не сумасшедший, он — искатель истины. Сколько художников, поэтов, ученых сторики, так и не сумев ее найти. И сколько еще сторики...

культура: Русский театр почти сто лет гордился тем, что он реалистичен и психологичен. Сегодня и то, и другое все чаще выглядит анахронизмом. Почему, как Вы думаете?

Туминас: Потому, что реалистический театр слишком буквален, он не оставляет места для воображения ни тем, кто на сцене, ни тем, кто в зале. Я каждую репетицию начинаю практически с одного и того же: давайте забудем о «приметах времени», о «психологии», о характере. Характер прикован к бытию. Его место на земле. Но в работе над любым спектаклем рано или поздно наступает момент, когда надо готовить взлет. Чтобы посмотреть на все сверху. Наша жизнь акробатична и парадоксальна — не взлетев, не поймешь, что к чему. Ронсар задало до Шекспира открыл простую истину: «Весельная Судьба распределяет роли, и Небеса следят за нашей игрой». Взлетать трудно. Но мы способны. Мы можем. Театр Вахтангова всегда был полетным.

Елена ФЕДОРЕНКО

На Новой сцене Большого театра состоялась премьера гастрол-спектакля «Князь Владимир Красно Солнышко. Искания о князе Владимире».

Всероссийский конкурс танца среди любительских коллективов «Весна священная» учредил восемь лет назад благотворительный фонд «Культура — детям», возглавляемый народной артисткой России Илзе Лиепой. Постановку осуществили Владимир Иванов и Елена Богданович. В основу драматургии спектакля, соединившего в себе пластику, художественное слово и вокал, легла история жизни князя Владимира. Его душевные искания и преобразование от правителя-тирана к человеку, посвятившему себя Богу и своему народу.

Илзе Лиела:

«Подмостки
Большого театра
открыты талантам
вне зависимости
от пропуски»

культура: Как возникла идея проекта? **Лиела:** Наш спектакль — вершина грандиозного многоуровневого танцевального проекта. В нем принимают участие талантливые дети, которые стали лауреатами премии «Весна священная». Начинаясь просмотры с конкурсов в регионах. Все ребята занимаются в самодеятельности, живут в разных уголках нашей страны — талантливой молодежи у нас много. В Якутии, например, мы отсмотрели 3500 детей, в Норильске — 950, Россия действительно очень богата одаренными людьми. Все, кто видел постановку прошлого года по сказкам Александра Афанасьева, в этом не сомневаются.

культура: Почему сегодня выбор пал на историю князя Владимира?

Лиела: Чтобы не распалась связь времен, молодые люди не должны забывать историю своего Отечества. Мы говорим сейчас о патриотическом воспитании, а оно ведь определяется лю-

Весна священна

Илзе Лиела — княгиня Ольга, Михаил Пореченков — князь Владимир

бовью не только к настоящему, но и к истокам, датам, событиям, именам. Князь Владимир — великий правитель и благородный человек, он, по сути, выbral и определил судьбу нашего народа, сплотил Русь под стягом веры.

культура: Сколько ребят занято в проекте и откуда они приехали?

Лиела: На сцене 130 человек. Они представляют три любительских коллектива, которые стали лауреатами шоу-балета «Алиса» из Керчи, детского музыкального театра «Задумка» из Самары, ансамбля танца «Улыбка» Свердловской государственной детской филармонии из Екатеринбурга. Самым маленьким участникам всего 6 лет. Спектакль — дар победителям конкурса, такой уникальный праздник на сцене Большого театра.

культура: Зачем Вам понадобилась такая хлопотливая работа, связанная с частыми поездками?

Лиела: Мы отправляемся в регионы не для того, чтобы отобрать исполнителей для спектакля. Хотим помочь развитию любительского творчества, обозначить ориентиры, провести мастер-

классы и просто показать, как необходимо то, чем они занимаются, ввести даже самые маленькие кружки в танцевальное сообщество. Вы не представляете, как это необходимо в провинции. Наши проекты и национальная премия стимулируют художественную жизнь на местах, показывают, что подмостки Большого театра открыты талантам вне зависимости от пропуски — можно жить в далеком поселке и добиваться больших успехов. Мы хотим объединить танцующую молодость России.

В советах профессионалов нуждаются педагоги и руководители, которым зачастую просто не с кем обсудить свои проблемы. Приезжаем в регионы с обучающими программами, в которые входят теоретические и практические занятия, мы открыты для разговора на любые темы. Они касаются не только методики преподавания техники танца, но и развития вкуса, духовных ценностей, чувства меры. Все это зависит от выбора музыки, костюмов, сюжетов. Искусство во многом формирует характер школьников.

культура: Вы привлекли в спектакль известных артистов. Как сложилась команда?

Лиела: Поддержка мастеров всегда серьезное подспорье. Все мы единомышленники и объединились не случайно. Счастлива, что встретила с талантливым хореографом и тонким человеком Еленой Богданович — она находит способы работы с молодежью и решает высокие духовные задачи. Владимир Иванов, один из моих любимых режиссеров, мыслит удивительно точно и образно. Замечательный Михаил Пореченков — сильный и бесстрашный князь Владимир — ясно понимает наши цели. Николай Бурляев вышел на сцену после долгого перерыва и говорит, что увлечен самой историей о том, как нужно беречь и укреплять Родину. Если в прошлом году мы объединили танец и драматическое искусство, то сейчас к нам примкнула певица Ольга Кормухина. Оказалось, наши взгляды во многом совпадают, и я этому рада. Ее муж композитор Алексей Белов сочинил для спектакля балладу. Автор сценографии — наш дав-

ний друг, много работавший с моим братом Андрисом, — Анатолий Нежный; «одежда» героев Екатерина Котова — театральный человек, который чувствует драматургию костюма.

культура: Показ на сцене Большого театра — разовая акция?

Лиела: В конце апреля покажем «Князя Владимира» в Туле, надеемся, что спектакль увидят в Воронеже, Екатеринбурге, Архангельске, Нижнем Новгороде. Верю, что проект будет развиваться и дальше.

Елена Богданович:
«Столь деликатную
тему необычайно
сложно «запечатать»
в движение»

культура: Историю о князе Владимире сочинили сообща?

Богданович: Это был для меня бесценный и уникальный опыт. Режиссер Владимир Иванов из Театра имени Вахтангова, Илзе и я — втроем придумывали композицию спектакля. Я ездила в командировки по разным городам, ставила номера детям, возвращалась, показывала материал, и после обсуждения и уточнения позиций выстраивались дальнейшие сцены, и я опять уезжала. Подспорьем служил хороший поэтический текст Андрея Тупикова, режиссера и писателя, о том, как старей рассказывает отроку о правлении князя Владимира, его непростом пути от язычества к христианству.

культура: Вам, серьезному хореографу, привыкшему к сотворчеству с единомышленниками, наверное, не просто работало с детьми?

Богданович: Каждый хореограф мечтает о задачах невероятных, фантастических. Мне как постановщику выпала исключительно такая: показать славянскую традицию истории Российского государства — жизнь правителя, при котором произошло Крещение Руси и было принято православие. Столь тонкую, деликатную и благословенную тему «запечатать» в движение необычайно сложно. Для того чтобы поставить такой спектакль силами детей, начиная от первоклашек, надо было придумать что-то особенное. Я поняла, что должна попросить помощи у наших классиков. К ним и обратилась.

На выручку пришли Петр Ильич Чайковский с Пятой симфонией, выбрала из нее вторую часть, и Моцарт Петрович Мусоргский с вступлением к опере «Хованщина». Удивительно, что на идею «легла» и кантата Сергея Прокофьева «Александр Невский», которую в балете практически никогда не ставили, и музыка из его же «Стального скака». Симфонические партитуры отличаются особой структурой с длинными фразами и предназначены, конечно, для профессиональных исполнителей. Дети в самодеятельных коллективах приучены к иному, да и по моторике им ближе короткие движения с яркими выбросами эмоций, а не длительные симфонические периоды. Научиться разговаривать в пластике протяженными фразами — непросто, это требовало серьезного подготовительного процесса. Сначала им пришлось скакать на мобильных телефонах, например, «Расцвет в Москве-реке» из «Хованщины», чтобы музыка всегда была рядом, на слуху, а потом, после кропотливых репетиций и разговоров, в их сознании произошла настоящая революция. Они стали не просто узнавать классическую музыку, а увлеченно слушать ее и увлекать товарищей.

культура: Как Вы познакомились с Илзе Лиепой — автором и вдохновителем этой работы?

Богданович: В самом конце 2016 года Илзе позвонила мне и предложила сделать два-три номера для церемонии награждения лауреатов Национальной премии в области детского и юношеского танца «Весна священная». В итоге я поставила все номера, не от жадности, а просто хотела, чтобы выстроилась цельная хореографическая история. Идея-то грандиозная — победители участвуют в спектакле и показывают его на сцене Большого театра. И место, и статус премии обязывают к серьезному подходу. Ведь Илзе обратилась к уникальному, если не сказать судьбоносному, материалу. Вообще, Илзе продолжает традиции своего знаменитого отца — Мариса Лиелы, а он был выдающимся артистом. Я всегда мечтаю о том, чтобы танцы не выглядели пустыми и формальными, а обрели смысл и духовность. Как у Лиелы. Поэтому наша встреча кажется мне до некоторой степени providческой.

Парижские танцы

В Париже открылась выставка «Роден и танец». На вернисаже великий ваятель предстал перед публикой в неожиданной для себя роли хореографа, запечатлев артистов в самых немислимых позах. Галерею скульптур дополняют рисунки и акварели мэтра, а также отрывки из документальных фильмов и фотографии.

— Огюст Роден посвятил искусству Терпсихоры последние два десятилетия своей жизни, — рассказывает куратор экспозиции Кристин Лансестремер. — Он видел в теле живую архитектуру. Классическому балету предпочитал национальные и фольклорные танцы — испанские, индийские, индонезийские и камбоджийские. Интересовался и модным тогда канканом.

«Эстетическим шоком» мэтр называл первые гастроли камбоджийских танцовщиц, ко-

графы утверждают, что в фавне Нижинского скульптор увидел родственную душу.

Роден пригласил Вацлава позировать ему. Несмотря на многочисленные сеансы, ваятелю так и не удалось передать экспрессию Нижинского, работа осталась незаконченной. Согласно одной из версий, всему виной послужила ревность Дягилева. Но, даже будучи незавершенной, скульптура, по мнению искусствоведов, передает «брутальный эротизм» персонажа. Экспонат пользовался таким успехом, что Музей Родена наладил производство «официальных» копий. Так что сегодня можно поучить собственного фавна всего за 305 евро.

На создание монументальных «Врат ада» Родена вдохновила дантовская «Божественная комедия». А «Вратами рая» ваятель называл обнаженную женскую натуру. Через творческий «гарем» скульптора прошла нескончаемая вереница путан, белошвеек, продавщиц, актрис, писательниц, акробаток и, конечно, танцовщиц.

Среди них были американки Лой Фуллер и Рут Сен Дени, испанка Кармен Дамедоз, французенка Альда Морено, японка Ханако и вообще весь цвет танца модерн. Как обычно, они становились не только музами и

моделями. По словам биографов, Роден пристально изучал анатомию прекрасного пола, подобно тому, как антомолог — насекомых.

В начале прошлого столетия взошла звезда Айседоры Дункан. Она ставила номера на классические произведения типа бетховенской «Лунной сонаты», брала за образец живописные полотна Боттичелли, использовала стихи Горация. В автобиографической книге «Моя жизнь» она повествует о том, как Роден приезжал в гости, чтобы посмотреть ее танцы. Если верить мемуаристке, ее перформанс произвел на мэтра сильнейшее впечатление: «Он начал мять все мое тело, точно глину, опаяя меня жаром, от которого я словно таяла. Единственным моим желанием было отдать ему все свое существо...» Однако этому помешали воспитание и «предубеждения» юной Айседоры. Впоследствии она сожалела, что у них «не сложилось» и ей не удалось лишиться невинности в объятиях «вели-

торые проходили летом 1906 года в парижском театре «Пре-каталан». Они приехали вместе с королем Сисоватом, чтобы показать священное искусство, призванное улаживать богов. Публика впадала в экстаз. А великий скульптор сделал во время представлений примерно полторы сотни рисунков.

Главным же потрясением для Родена оказалось выступление Вацлава Нижинского. В 1912 году балет «Послеполуденный отдых фавна» привез на берега Сены Сергей Дягилев. Парижские снобы осыпали представление. Критика возмущалась «похотливостью и бесстыдством» главного героя. Роден встал на защиту «бунтаря» Нижинского, высказавшись на страницах столичной газеты «Матен»: «Все его тело выражает то, чего требует разум: у него красота фрески и античной скульптуры; он идеальная модель, с которой хочется рисовать и лепить». Некоторые био-

кого бога Пана, могучего Родена». В результате, уверена Дункан, в проигрыше оказалась не только она, но и все искусство в целом.

Скульптурно-хореографические этюды Родена, по мнению балетных авторитетов, повлияли на современный танец. Они служили источником вдохновения таких разных мастеров, как Леонид Якобсон, Борис Эйфман, Татьяна Вдовина, Фредерик Аштон, Кеннет Макмиллан. В нынешней экспозиции использованы также снимки замечательного русского фотографа Петра Шумова. В Музее Родена хранится около двухсот работ скульптора, которые были сделаны в последние годы его жизни.

По случаю выставки в Парижской филармонии выступит Королевский балет Камбоджи под руководством принцессы Нородом Бопхадеви. Специально для художников-любителей одно из представлений пройдет в музейном парке. Каждый участник перформанса получит возможность почувствовать себя Роденом и изобразить танцовщицу, столь восхищавших великого скульптора.

Полосу подготовил Юрий КОВАЛЕНКО Париж

Михаил Рудь: «Ни разу не слышал, чтобы русские плохо играли»

Известный французский пианист Михаил Рудь примет участие в Международном фестивале «Прокофьевская весна», который пройдет в Донецке с 20 по 23 апреля. В частности, исполнит программу «Цвет звуков», посвященную Марку Шагалу. О своей предстоящей поездке музыкант рассказал корреспонденту «Культуры».

культура: Что побудило Вас отправиться в Донецк?

Рудь: Именно здесь пятьдесят лет назад состоялся мой первый сольный концерт. До сих пор храню афишу с того выступления. Нынешняя встреча с городом, где прожил до 16 лет и который считаю своей родиной, для меня знак судьбы.

культура: С какой программой выступите?

Рудь: Представлю мои анимационные фильмы, посвященные художникам, — Василию Кандинскому и Марку Шагалу. Кроме того, исполню произведения Гюка, Моцарта, Вагнера, Мусоргского, Скрябина, Стравинского, Равеля, Дебюсси.

культура: Когда Вы были в Донецке в последний раз?

Рудь: В 1999 году. Тогда меня встречал целый город, в том числе друзья, которых давно не видел. Сейчас почти никого не осталось. Мне очень тяжело наблюдать за тем, что происходит в Донецке, — я этого совершенно не понимаю. Люди ужасно страдают. Надеюсь, музыка поможет моим землякам пережить страшную трагедию.

культура: Какие воспоминания у Вас остались об этом городе?

Рудь: Большинство, конечно, связано с музыкой. Жили мы трудно, но я многим обязан Донецку. Он дал мне путевку в мир музыки. Непременно схожу в училище, где начал играть. Лучшая донецкая учительница музыки Елена Абрамовна Копелиович занималась со мной бесплатно. Потом моим педагогом стал Юлий Федорович Вахранев. В этом городе впервые побывал на концертах Рихтера, Гилельса, Ашкенази. Там же видел знаменитого французского мима Марселя Марсо. Вспоминая ту жизнь, мне и самому не верится, что все так и было. Когда мне исполнилось 16 лет, произошло настоящее чудо: меня, не окончившего Центральной музыкальной школы в Москве, не имевшего никаких связей, приняли в Московскую консерваторию в класс Якова Флиера.

культура: В Париж Вы перебрались в 1977 году. В чем отличие французского музыкального мира от российского?

Рудь: Российский в последние годы сильно изменился — вернулся к истокам. Классическая музыка снова одно из главных искусств. К тому же резко вырос исполнительский уровень. Ни разу не слышал, чтобы русские плохо играли.

Ну и, конечно, публика. Крупные западные исполнители с удовольствием выступают в России не из-за высоких гонораров, а потому, что их ждет восприимчивый и эмоциональный слушатель, для которого музыка очень важна. Пожалуй, нигде их так горячо не принимают.

культура: Остается ли Россия царством романтической музыки?

Рудь: Несомненно. У нас по-прежнему любят Чайковского, Рахманинова, Шопена.

культура: «Ничто так быстро не гаснет, как священный огонь», утверждал кто-то из мудрецов. Как Вам удается поддерживать себя в хорошей форме?

Рудь: Служение музыке — для меня не пустые слова. Я никогда не был конформистом, всегда стоял немного в стороне от общего тренда, порой шел против течения и рисковал. Меня по-прежнему посещают сумасшедшие идеи. Французскую музыку, очень эстетскую по сравнению с другими, западные пианисты обычно играют отстраненно, я же, напротив, превеличю эмоционально. Великие произведения — всегда вызов, который, как сказал поэт, требует «поной гибели всерьез». Они побуждают артиста двигаться вперед, постоянно развиваться.

культура: Сегодня классическую оперу каждый постановщик стремится прочесть на свой лад. Можно ли оосовременить музыкальные произведения?

Рудь: Я достаточно традиционен. Ищу нечто «оригинальное» только в тех случаях, когда чувствую в этом внутреннюю необходимость. Почему, если ты говоришь, что чувствуешь себя Наполеоном, тебя кладут в психиатрическую лечебницу, а если знаешь, что хотел сыграть Бетховен, — объявляют великим музыкантом. Например, Стравинский оставил четкие пояснения, как надо исполнять его произведения, но все равно каждый играет по-своему.

культура: «Понимать по-своему не грех, но нужно понимать так, чтобы автор не был в обиде», — шутил Чехов.

Рудь: Об обиде не может быть и речи, если композитор умер триста лет назад. С живыми значительно сложнее. Когда я исполнял Оливье Мессиану его произведения, он ругал меня за излишнюю медлительность. Когда же я показывал ему его собственные указания, то он был с ними не согласен. Ростропович рассказывал массу подобных историй.

культура: «Я даже не знал, что написал такую хорошую музыку», — удивился Шостакович, пораженный тем, как Татьяна Николаева исполнила его цикл прелюдий и фуг. Все-таки ходят на исполнителя или на сочинение?

Рудь: Зачем мне слушать в двухсотый раз сонату Бетховена? Всегда хочется узнать что-то новое, особенное, в исполнении великих интерпретаторов.

культура: Вы учитываете аудиторию, перед которой выступаете?

Рудь: Когда играю перед очень подготовленной публикой, испытываю огромный стресс. Знаю, что меня будут сравнивать с другими

исполнителями. От этих мыслей трудно отключиться и сосредоточиться только на музыке. Приятнее выступать в более спокойной обстановке.

культура: Какая музыка, на Ваш взгляд, лучше всего передает ощущение счастья?

Рудь: Моцарт, Шуман, «Рождественская оратория» Баха, Шуберт. У Моцарта поражает стремление жить, которое звучит даже в трагических сочинениях. В драматической музыке граница между чувствами неустойчива и хрупка.

культура: Вы только что вернулись из Китая, который, похоже, превратился в настоящую кузницу музыкальных кадров. Только на фортепиано там учатся играть пятнадцать миллионов человек. Нынешний музыкальный век будет китайским?

Рудь: Не берусь давать прогнозы, но в Поднебесной очень хорошие исполнители. Не знаю, займут ли китайцы доминирующие позиции, но не сомневаюсь, что они ничем не будут отличаться от своих коллег из других стран. С недавних пор мой любимый исполнитель Баха — японский дирижер Масааки Судзуки. К сожалению, Западу свойственен определенный снобизм, который проявляется в отношении восточного искусства в целом. Кабуки или китайский театр считаются страшной экзотикой.

Меня только что назначили «специальным» профессором Пекинской консерватории. Буду вести мастер-классы. Мне интересно слушать молодежь.

культура: На протяжении двух десятилетий Вы руководили музыкальным фестивалем во французском аббатстве Сен-Рикье. Туда приезжали выдающиеся исполнители: Светлана Ростропович, Темирканов, Башмет, Хворостовский, Спиваков. Какие Ваши новые долгосрочные проекты?

Рудь: Я возглавил фестиваль Impressions («Впечатления»), который станет площадкой диалога живописи, музыки, театра, поэзии, оперы, танца. Его центром будет местечко Живерни под Парижем. Долгие годы там жил Клод Моне, а сейчас находится Дом-музей художника. В июне на открытии вместе с великим актером Мишелем Буке мы представим музыкально-литературную программу. Он прочтет отрывки из текстов, связанных с великим живописцем и его окружением: биографию, сочиненную французским премьер-министром Жоржем Клемансо, стихи, посвященные Моне, переписку с Ренуаром. Я исполню произведения композиторов той эпохи — Дебюсси, Равеля, а также Шопена.

культура: Во Франции только что совершен очередной теракт, против которого власти оказались бессильны. Волна исламизма захлестнула Старый Свет. Однако Запад во главе с Соединенными Штатами видит главную «угрозу миру» в России. Санкции, бойкот чемпионата мира, высылка дипломатов, угрозы — мобилизован весь арсенал холодной войны. Не ошибается ли он с врагом?

Рудь: Я в стороне от политики, но убежден: Запад заблуждается на сто процентов. Его ошибка грозит трагическими последствиями всему миру. Живя много лет во Франции, я не вижу, кому и чем Россия может угрожать. Я не могу объяснить, почему в качестве врага Запад выбрал европейскую страну с христианскими ценностями. Нет ни малейших оснований для антагонизма между Францией и Россией. Со стороны французов — от политологов до музыкантов — чувствую большой интерес и любовь к России. Многие недоумевают по поводу французской политики, ее критикуют, считают неправильной.

С «МЕТАЛЛОМ» В ГОЛОСЕ

ФОТО: ЕВГЕНИЙ СТУДЕНЧИНСКИЙ/ТАСС

Денис БОЧАРОВ

22 апреля в «Крокус Сити Холле» пройдет концерт группы «Ария» с симфоническим оркестром. «Культура» беседует с вокалистом главного отечественного хард-энд-хеви-коллектива Михаилом Житняковым.

культура: Ваше предстоящее выступление подается и как «новое грандиозное шоу», и как «финальный аккорд». Расставьте точки над «и», пожалуйста.
Житняков: Это будет один из последних концертов в рамках проекта «Классическая «Ария». За два года мы объездили всю страну и сейчас пришли к выводу, что пора ставить точку. Ну или, по крайней мере, большую запятую. Неизвестно, когда вернемся к подобной истории, и вернемся ли вообще, поэтому хотим провести мероприятие на максимально высоком уровне.

Новизна же заключается в том, что, в отличие от предыдущих шоу, в «Крокус» представим на суд зрителя обновленную программу — многие вещи прозвучат впервые. Надеемся, публике будет интересно, поскольку хеви-метал-композиции, поданные в симфоническом обрамлении, — штука любопытная, такое не каждый день услышишь.
культура: А в каком формате, по Вашим ощущениям, «Ария» звучит более аутентично и естественно: в первоначальном, «тяжелом» варианте или подкрепленная симфоническими аранжировками?

Житняков: Дело в том, что на наши концерты приходит самая разнообразная публика — будь то в возрастном или социальном отношении. И дедушки бывают, и совсем юная поросль. Порой увидишь типично офисных работников, «колбасящихся» наравне с неформальной аудиторией. Поэтому говорить о том, кому что ближе, — непростое.

Однако мне представляется, что оба формата, в которых работает «Ария», в равной степени интересны.

Играть с оркестром — это не только большое удовольствие, но и колоссальная ответственность. Симфонизм подразумевает более чистое, прозрачное звучание, а значит, никаких волноостей позволить себе не можем. С другой стороны, когда выступаем, что называется, сами по себе, то располагаем большей свободой — здесь и максимум драйва, и выплескивающиеся через край эмоции. Так что каждая творческая ипостась группы по-своему хороша.

Симбиоз рок-н-ролла и классики — очень любопытная вещь. Когда только увлекся музыкой, меня пленило напористое, бескомпромиссное «тяжелое» звучание. Однако по мере взросления осознал, что «вкусные» аранжи-

ровки, которыми напитываются иные рок-коллективы, — та самая вишенка, без которой вкус торта кажется неполным. Здесь, кстати, уместно провести аналогию с кулинарией: есть первые блюда, а есть десерт. Так вот, для меня выступление с симфоническим оркестром как раз и является таким десертом. Но опять же: на одних сладостях долго не протянешь, поэтому от основных блюд все равно никуда не денешься (улыбается).

культура: В свое время Вы окончили Губкинский университет. Не было сожалений, что в один прекрасный момент решили сменить профессию? Ведь нефть и газ — одни из самых «хлебных» отраслей сегодня...

Житняков: Сожалений горьких нет, как поется в известной песенке. Отучившись, я десять лет отработал по специальности, неоднократно оправдав свой диплом. Но, видимо, однажды понял: пришло время что-то менять. И, несмотря на то, что ступал в неизвестность (ведь музыка — стезя весьма скользкая и коварная, здесь трудно что-либо просчитать), сделал этот шаг вполне осознанно и, главное, решительно.

Мне грех жаловаться на судьбу: в равной степени благодарен как тем годам, которые провел на «нефтянке», так и тому стечению обстоятельств, что привели меня в итоге к прекрасной истории под названием «Ария».

культура: Вы с малых лет были поклонником «Арии»? Ведь когда группа записала свой первый альбом, Михаил Житняков отправился в первый класс...

Житняков: К тяжелой музыке я, как ни странно, пришел довольно поздно. В какой-то момент выпечил группу Scorpions, она явилась для меня неким мосточком между популярной музыкой, которую можно было услышать в эфире, и той, что близка мне лично. До определенного

становать. Стараюсь по мере сил и возможностей не ронять ту планку, которую группа «Ария» однажды лихо взяла. Не позволяю себе расслабляться: по сей день стремлюсь к самосовершенствованию, учусь, развиваюсь.
культура: Что самое сложное в работе рок-вокалиста?

Житняков: Несмотря на романтический шлейф, традиционно преследующий рок-музыкантов (мол, расслабон, беззаботная лафа, оттяг, девки-пиво-рок-н-ролл и прочее), жизнь наша не такая уж простая. По крайней мере, у вокалистов точно. К концерту всегда необходимо подойти в лучшей форме.

Репертуар «Арии» весьма сложный, небрежного к себе отношения не допускает. Можно не то что большого тура не выдержать — после первого же сета себя списать. Голосовой диапазон, в котором написано большинство вещей, необычайно широк, концерты, как правило, длятся не один час — значит, необходимо следить за здоровьем, готовиться к выходу на сцену, высыпаться, распеваться и так далее.

А поскольку львиная доля выступлений выпадает на весну и осень, то есть те периоды, когда человек наиболее подвержен простудным заболеваниям, мне приходится быть предельно осторожным и внимательным. Когда другие члены группы могут себе позволить прогуляться с экскурсией, я должен выбирать между развлекательной программой и здоровьем. В этом и заключается основная ответственность человека, выбравшего делом своей жизни пение: ты не имеешь права подвести тех, кто пришел на концерт, и тех, кто стоит с тобой на одной сцене.

культура: Кстати, насчет последних. Вы ведь один из самых молодых участников «Арии», некоторые члены группы годятся Вам в отцы. Ничего похожего на дедовщину в ансамбле не наблюдается?

Житняков: В точку попадаете. Но должен вам сказать, что разница в возрасте идет лишь на пользу. Погружаясь в жизненное пространство старших товарищей, открываю для себя много интересного из их филармонического прошлого — ведь некоторые музыканты в далекое советское время работали в ВИА. Опыт, которым коллеги делятся со мной, истинно бесценен, его никакие книжки заменить не могут. В то же время поколенческий аспект подразумевает

здоровые творческие споры, которые в конечном итоге работают на результат. Так что в этом смысле мы друг друга дополняем.
культура: Как обстоят дела с новой пластинкой? Слышал, ее выход уже не за горами...

Житняков: Надеюсь, в этом году тринадцатый студийный альбом «Арии» увидит свет. Точные прогнозы — вещь неблагоприятная, поэтому когда именно состоится это знаменательное событие, сказать не берусь. Многие зависят от поэтов, с которыми сотрудничаем. Так что как бы мы усердно ни работали над музыкальным материалом (основная часть которого, кстати, уже записана), все равно зависим от авторов текстов. Остается лишь пожелать всем нам удачи, дабы поклонники группы в текущем году получили свежий студийный продукт.

культура: Вам как исполнителю приходится порой вносить редакторские правки в текст?
Житняков: Надо отдать должное ребятам: прежде чем включить кнопку «record», они всегда дают мне текст для ознакомления и финального согласования. Но проблем, как правило, не возникает. Поскольку, имея колоссальный опыт работы как с поэтами, так и вокалистами, музыканты многие моменты уже предвосхищают — прекрасно понимают, в чем состоит отличие между стихотворением и песней.

До меня текст, как правило, доходит максимально приближенным к окончательному варианту. Да, иногда мы вносим определенные коррективы уже в студии, непосредственно в момент записи, но такое бывает нечасто.

ФОТО: РУСЛАН ШИЖОВ/ТАСС

Есть что ВСПОМНИТЬ

70 ЛЕТ НАЗАД, 19 апреля 1948 года, в Колонном зале Дома союзов открылся I съезд советских композиторов.

Народный артист СССР, музыкант и педагог Рейнгольд Глиэр необходимость форума объяснил так: «До сих пор мы жили разьединенно. В Москве, Ленинграде, Свердловске, союзных республиках, в автономных республиках РСФСР композиторы занимались главным образом своими местными делами, решали творческие вопросы без взаимной творческой связи и порой без тесного творческого общения даже между членами одной организации».

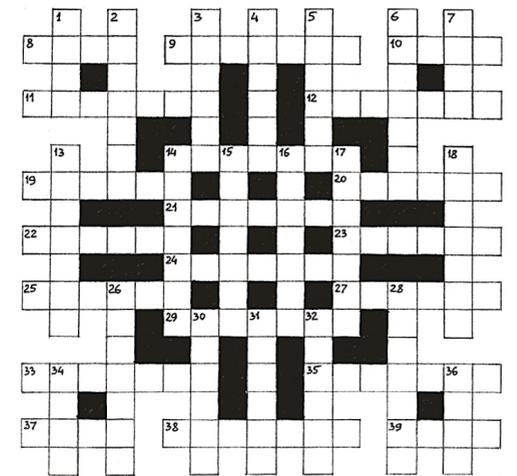
Война закончилась всего три года назад, и остро чувствовалась нехватка новых песен. Не случайно накануне знаменательного события особое внимание было уделено критике «антинародных формалистических направлений», а композитор Ваню Мурадели даже удостоился персональной критики от ЦК ВКП(б) за оперу «Великая дружба» — в своем произведении он, как посчитало партийное руководство, «не пользовался богатством народных мелодий, песен, напевов, танцевальных и плясовых мотивов, которыми так богато творчество народов СССР».

Кто на тот момент «богатством воспользовался»? Борис Мокроусов, получивший в дни работы съезда Сталинскую премию за песни «Заветный камень», «О родной земле», «Одинокая гармония», «Хороши весной в саду цветочки»; Анатолий Новиков, удостоенный за «Гимн демократической молодежи мира» такой же награды, и многие другие авторы популярных тогда музыкальных произведений. Председателем Союза композиторов делегаты избрали академика, народного артиста СССР Бориса Асафьева. Генеральным секретарем СК стал Тихон Хренников. В своем докладе, как отметила газета «Советское искусство» за 24 апреля 1948 года, он призвал «всех композиторов и музыковедов следовать великим традициям классики, глубже изучать нашу чудесную советскую действительность, стать ближе к жизни и к народу».

Судя по тому, что многие песни, написанные после съезда — в 50–70-е, остались в народной памяти и исполняются до сих пор, слова Хренникова упали на благодатную почву.

Сергей ГРОМОВ

По горизонтали: 8. Немецкий живописец, представитель мюнхенской школы («Грех», «Война»). 9. Советский маршал, дважды Герой Советского Союза. 10. Имя самого известного господаря Валахии. 11. Французский кинорежиссер, постановщик фильмов «плаща и шпаги». 12. Российский актер («28 панфиловцев», «Золотая Орда»). 14. Иконописец. 19. Французская художница-импрессионистка («После обеда»). 20. Новый приверженец общественного движения. 21. Триллер А. Хичкока по роману Д. Дюморье. 22. Английский детский писатель. 23. Австрийский кинорежиссер («Планистка», «Любовь»). 24. Морская нимфа. 25. Галерея современного искусства в Лондоне. 27. Комедия Ж. Ури с Л. де Фюнесом и Бурвилем в главных ролях. 29. Предмет мебели. 33. Подземное защитное сооружение. 35. Сатирический журнал, издававшийся Н. Новиковым. 37. Российская актриса театра и кино («Распутин», «Бесы»). 38. Популярный в XIX веке оптический аксессуар. 39. Речная рыба.

По вертикали: 1. Начало дня. 2. Французская писательница-романистка XVII века («Артамен, или Великий Кир»). 3. Советский кинорежиссер («Золушка», «Катерина Измаилова»). 4. Фильм, в котором сыграла К. Орбакайте. 5. Будка для собаки. 6. Советский киноактер («Мир входящему», «Отцы и дети»). 7. Французский писатель, автор романа «Без семьи». 13. Лошадь из рассказа О. Генри. 14. Собирает мед в дуплах деревьев. 15. Литературный «отец» сыщика Лекко. 16. Изречение, афоризм. 17. Народный целитель. 18. Детский певческий голос. 26. Тюрма из стихотворения А. Пушкина «Узник». 28. Литературный журнал, издававшийся И. Крыловым. 30. Российский киноактер («Глухарь», «Отпуск»). 31. Советский режиссер, теоретик документального кино. 32. Российский оперный режиссер. 34. Французский писатель («Между небом и землей», «Похититель теней»). 36. Картина Э. Мане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 7. Паула. 10. Малков. 11. Ткемали. 12. Дефиле. 13. Ландыш. 14. Захар. 16. Сутин. 17. Амбар. 21. Бойцов. 22. Литургия. 24. Буланова. 25. «Бездна». 27. Франц. 30. «Весна». 31. Спрут. 36. Язычок. 37. «Мальва». 38. Изотова. 39. Анчоус. 40. Рыбина. **По вертикали:** 1. Матета. 2. Шутка. 3. Шатен. 4. «Эмиль». 5. Пленум. 6. Кобыла. 8. Петрун. 9. Фабрицио. 15. Хлопушка. 18. Бриннер. 19. «Война». 20. Буфет. 23. Евреинков. 26. Кнуров. 28. Рязань. 29. Никсон. 32. Пальба. 33. Уивинг. 34. Твист. 35. Хмара.

В следующем номере:

ММКФ дежурит по апрелю
В столице стартует 40-й Московский кинофестиваль

ФОТО: ВЯЧЕСЛАВ ПРКОБИЧЕВ/ТАСС